

СЧАСТЬЕ В ЛАДОШКЕ...

РОМАН

ВЕРОНА ШУМИЛОВА

Верона Шумилова

Счастье в ладошке... Роман

«Издательские решения»

Шумилова В.

Счастье в ладошке... Роман / В. Шумилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-935828-8

Роман — о любви, честной, верной, преданной и высокой, которую пронесли влюблённые через все препятствия и невзгоды. Автор талантливо раскрывает все ситуации и события в отношениях главных героев романа, их звёздное счастье, их глубокие страдания... Какие свидания при свечах! Какие встречи наедине! Дух захватывает! Много в романе других интересных событий и историй! Роскошный роман! Достойная книга! Галина Ярлыгина, поэтесса, член Союза литераторов России

ISBN 978-5-44-935828-8

© Шумилова В.
© Издательские решения

Содержание

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА	6
ГОРЕЧЬ РАЗЛУКИ	8
ПОЗОВИ! Я ВЕРНУСЬ!!	10
ДВОЕ В НОЧИ...	13
К РОДИТЕЛЬСКОМУ ДОМУ	16
ВАЖНАЯ ВСТРЕЧА	19
ДОРОГА В ПЕЧАЛИ	21
ЖИЗНЬ НАИЗНАНКУ	24
ЖИЗНЬ В НЕВОЛЕ	26
ДОРОГА К СЧАСТЬЮ	29
НОВАЯ ЖИЗНЬ	32
МИР ХРИЗАНТЕМ	34
БЛАГОДАТНАЯ ОСЕНЬ	37
МЫСЛИ НА ПЕРЕПУТЬЕ	39
НАЕДИНЕ С ТРЕВОГОЙ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Счастье в ладошке...

Роман

Верона Шумилова

© Верона Шумилова, 2018

ISBN 978-5-4493-5828-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогой друг!

Вышел в свет роман Вероны Шумиловой «Счастье в ладошке...» Роман ярко и увлекательно повествует о Любви...

Много написано и сломано копий о ней, о Любви, но этот роман – о Любви, честной и безгрешной, верной и бескорыстной, преданной и высокой, которую пронесли влюблённые Наталья Гаврилова и Вадим Горин через все препятствия и невзгоды, через всю свою жизнь, сложную и трудную, счастливую и трагичную.

При чтении романа волнение не покидает тебя с первой строчки до последней: так интересно и роскошно написана каждая глава, каждая страница книги.

Верона Шумилова талантливо раскрывает все ситуации и события в отношениях главных героев романа, их звёздное счастье, их глубокие страдания... Дороги, разлуки, встречи, препятствия... И всё-таки Любовь побеждает!

Всё было в жизни влюблённых, не было лишь измен. Какие свидания при свечах! Какие встречи наедине!

Дух захватывает! Перечитываешь страницы... Желаеть помочь... Но это лишь книга!

Красивые события в романе заставляют волноваться: почему Наташа и Вадим всю свою жизнь любят друг друга, но они не вместе? Почему? Много в романе других интересных событий и историй!

Роскошный роман! Достойная книга!

Дорогой Читатель!

Прочитай эту повесть о Любви до самого конца: там – развязка всей истории героев книги. Радость от прочтения романа «Счастье в ладошке...» долго будет жить в твоём сердце.

В добрый путь!

Галина Ярлыгина, поэтесса,
член Союза литераторов России

Книгу оформили и составили – Галина Ярлыгина, и Нагорный Сергей (Maestro)

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Стоял тот особенный вечерний час, когда время «пик» уже полностью схлынуло и из автоматически открывающихся дверей вагонов метро, автобусов, троллейбусов и трамваев был извержен нервный людской поток, спешно растекавшийся по своим многочисленным подъездам и подворотням.

Улицы Москвы в этот сумеречный ноябрьский вечер (стояли его первые числа) заполняли только те, кто, подолгу засиживаясь на работе, давал передышку сердцу и нервам, да командировочный люд, использующий редкие часы, посланные каждому судьбой, и которые, бог знает, когда еще будут для того, чтобы увидеть своими глазами, что же такое Москва, побродить по ней, что-то запомнить и потом рассказать своим близким и знакомым, приобщиться к её духу, суете – в общем те, которым либо торопиться было некуда, либо спешить просто не имело никакого смысла.

Вадим Сергеевич Горин шел размеренно, неторопливо. Его высокая сухощавая и слегка сутулая фигура в сером пальто и в такого же цвета каракулевой шапке с козырьком и отворотами казалась бы тенью, окажись он на пустынной улице. Тут же, на этой модной и ярко освещенной улице, он был частью того целого, что двигалось в одном ритме и гомонило на все лады.

Впереди – рукой подать – виднелся виадук, в зеве которого сияли огни Белорусского вокзала, откуда в 20 часов с минутами должна отойти его электричка.

Сняв напряжение и усталость последнего месяца, успокоенный и удовлетворенный сегодняшними успехами на машинно-испытательной станции, он видел улицу, свет фонарей, снег, шагающих пешеходов – в общем всё то, чего не замечал еще вчера, поглощенный делами и мыслями о новом, усовершенствованном приводном вале кормораздатчика, который так неожиданно подвел его на предыдущих испытаниях. Сегодня всё было иначе. Напряженный месяц работы, оказывается, не прошел даром. Подписан акт приемки, чертежи можно передавать заводу. Небольшая, день-два, передышка – и новая, более интересная работа. Но о ней сейчас как-то не думалось.

Наступила долгожданная пауза, знакомая многим творческим натурам, когда, целиком отдав себя законченному делу и еще не увлекшись новым, чувствуешь удовлетворение – дело сделано! Появившуюся такую легкую, необходимую для души пустоту надо заполнить новыми идеями.

Мысли неторопливо и хаотично, словно кружившиеся над головой пугливые снежинки, перелетали с одного на другое и, когда касались матери, сжималось сердце и становилось тревожно и тоскливо на душе.

«Как ты там, родная? Не оторвать тебя от дома, хотя столько лет мучаешься и страдаешь от нелегкой судьбины. Я один... Ты там – одна-одинешенька... Зачем всё так?.. Почему мы не вместе?»

Вспомнилось, как в последний приезд домой на его просьбу переехать к нему в столицу навсегда, она отказалась.

«Што ты, сынок? Здесь похоронен отец твой... И Юра... Куда я от этих могилок? Уж лучше ты возвращайся. На завод тебя возьмут. Оторвут с ногами и руками за твою умную голову. А што здесь не Москва, так на кой она тебе? Родная земля – теплее и лутше.»

Горин не спешил. Смахивая с ресниц легкие снежинки, с любопытством рассматривал прохожих. Мимо, шлепая по мутной снежной жиже обувью, проходили женщины. Сегодня он их замечал: какие на вид, в чем одеты, как выглядят. Давно он их не замечает... Очень давно!..

Вдруг, возле самого виадука, когда он собирался войти в него, оттуда, словно из-под земли, вынырнуло и замерло перед его глазами лицо, знакомое до невозможности и такое невозможное здесь, в Москве. Да и вся женская фигура в темно-синем пальто с пушистым

белым воротником и в белой вязаной шапочке показалась ему наваждением: так невероятно было её появление в этот час в городе, далеко от мест, где, по его, Вадима Сергеевича, понятиям, она должна была быть сейчас.

Какое-то время, растерявшись и не веря своим глазам, они стояли молча, по-видимому, соображая, что же это такое: показалось им, приснилось ли или на самом деле они видят друг друга, что было просто невозможным?

Первым пришел в себя Горин.

– Здравствуй, Ежик! – удивленно и радостно произнес он, разглядывая такое знакомое, до мельчайшей черточки, до неуловимого изгиба женское лицо. – Ты как здесь очутилась? В такое время и одна?

– Здравствуй, Горин! – совсем неуверенно, а, вернее, растерянно ответила она, и не радость светилась в её распахнутых глазах, а неуловимая тревога. – Я не надеялась... – Молодая женщина хотела еще что-то сказать, но промолчала, решив отдать первенство в выяснении сложившейся ситуации мужчине, который был ей дороже самой жизни.

– Ты, Наталья, в Москве... Куда же путь держишь?

– Домой... В свою гостиницу. Я здесь в командировке.

В одно мгновение, словно сговорились, они устремили друг на друга глаза – и они столкнулись в незримом поединке: серо-зеленые и преданные, казалось, до последнего вздоха, до самого гроба женские глаза и в чем-то виноватые, потемневшие карие глаза Горина.

Сверкая и кружась, тихо падали снежинки. Иногда усиливался порыв холодного ветра, и они, закручиваясь в спираль, хороводили, освежая лица, перед глазами. Мимо проходили люди, задевая две неподвижно стоящие, словно кем-то замороженные фигуры, мешающие направленному движению и ломающие его траекторию.

Еще более втянув голову в плечи, Горин не смог так быстро сообразить, как же так получилось, что в огромной многомиллионной Москве, где и свои-то теряются, на маленьком пяточке, утоптанном ногами тысяч и тысяч людей, они столкнулись нос в нос, глаза в глаза. Можно ли в это поверить? Не воображение ли это после долгой изнурительной и такой нервной работы? А он ведь несколько дней назад думал о ней долго и тревожно, перебирая в памяти мельчайшие подробности их последних встреч перед его отъездом в Москву.

О, как щемило сердце и рвалось туда, где жила эта ни на кого не похожая женщина, чистая, честная и такая несчастная, хотя жизнь, будь она справедлива, обязана была отмерить ей счастья целый воз, а то и больше.

«Эх, Натали, Натали! – думал Горин, разглядывая её, нежную и такую близкую, строптивую и такую гордую. – Колючий ты мой Ежик!»

Эти слова ему захотелось произнести вслух, чтобы вернуть и себя и её в те дни, месяцы и годы, когда они, сгорая от взаимной любви, ни одной минуты не принадлежали друг другу, израсходовав себя, как оказалось, на постоянные тревоги и несбыточные надежды. Будь он, Горин, настойчивее, была бы она его на все сладостные минуты, а то и на всю жизнь. Но так не случилось... Нет, не случилось!..

ГОРЕЧЬ РАЗЛУКИ

Ровно два года назад они виделись в последний раз.

Два года!.. Сколько раз за это время, бывая в Москве, проходя по этим улицам, сидя в вагонах метро или поднимаясь по эскалатору, Наталья Николаевна с молящей надеждой, почти судорожно вглядывалась во встречные лица проходивших и проезжавших мимо. Понимая бессмысленность и смехотворность своей надежды (найти одного человека в многомиллионной массе людей), знала, что это Москва, а не их маленький городок. Всё знала, всё понимала и учитывала, и всё же ей казалось, что раз он здесь, в Москве, какой бы великой и многолюдной она ни была, она, Наташа, должна, непременно должна его встретить. Третьего не дано! Зачем же тогда жить?! Ничего ей не надо, лишь увидеть Горина, узнать... Узнать его какую-то закрытую от неё жизнь, а, может быть, и какую-то тайну... А то, что тайна существует, она чувствовала давно...

«Боже мой! – думала она каждый раз, когда приезжала в Москву, выискивая среди множества одних, ей дорогие и родные глаза, над которыми торчали с изломом густые темные брови. – Боже мой! Ну, почему встречаю такое множество совершенно не нужных мне лиц, а одно-единственное, такое необходимое мне, не могу?»

Стоя рядом, о чем-то думал и Горин.

«Ну, что ж, – пронеслось у нее в голове, затуманивая её и одновременно охлаждая. – Всё закономерно! У меня иначе не бывает. Столько времени страдать и ждать, искать и надеяться и встретить тогда, когда... когда я уже могу жить без него...»

Разглядывая чуть потускневшие – не от слёз ли? – такие доверчивые и честные глаза, Вадим Сергеевич думал: «Надо же! Столько людей вокруг проходят мимо, а она, его Натали, гордая, недоступная, рядом... Просто чудо какое-то! Ведь вероятность встречи на обширных московских просторах равна столкновению двух песчинок, знающих друг друга, в хаосе вселенной...»

Горин был растерян. Сжимал и разжимал затекшие пальцы левой руки, чувствуя боль. И ему вдруг захотелось, чтобы эта боль усилилась и принесла ему страдания, чтобы рвала на кусочки сердце, тело, чтобы тут же испепелила его... Он, Вадим Горин, виноват во всём... Он один!..

Но это всё уже позади, в недалеком прошлом. А сейчас? Как ему поступить в данную минуту? О чем думает она, его мечта, его всей жизни любовь?

...Вот уж воистину господин-случай управляет судьбой! Не иначе! Надо же было Горину сесть именно в этот, а не в другой автобус и внезапно решить чуть раньше сойти с него, чтобы пройти пешком, а ей, Наталье Николаевне, задержаться у лотков, где толпятся прохожие в надежде приобрести то, что не продается, а «выбрасывается». Не сделай они этого в точности до минуты, они бы разошлись в разные стороны: Вадим Сергеевич, пройдя виадук, растворился бы в вокзальной людской сутолоке, и, пройдя даже рядышком с Наташей в многочисленной толпе, не смог бы ее заметить.

– Да что же мы стоим да молчим? – первым сообразил Горин, выстраивая в уме логичный план, по которому он должен будет действовать в оставшееся до отхода поезда время. – Пройдись, Ежик, со мной. Проводи меня к вокзалу. – Он глянул на часы. – Ровно через час уходит моя электричка.

– Что ж, пойдем! – Не удивляясь и не огорчаясь такому решению Горина, она очень спокойно согласилась провести с ним этот час, трудный, но такой счастливый.

В это же время ей хотелось, чтобы Вадим отменил свой отъезд, чтобы он пригласил ее в какую-то уютную комнату в гостинице или еще где-нибудь и... и, чувствуя учащенные удары своего сердца, снял бы с нее пальто, легкую шапочку... Она бы, пряча от него свои утомленные

и увлажненные от встречи глаза, ждала прикосновения его нетерпеливых рук к её обнаженному телу... А дальше? А дальше она бы растаяла в его объятьях, прильнув к его сильной груди, пахнувшей мужской силой... А дальше он увлек бы ее, нежную и податливую, в свои объятия и нес, как драгоценность, в своих руках на прохладное ложе, и они там согрели бы это ложе разгоряченными телами... Будут страстные поцелуи... Будет такая же страстная и бессонная ночь до самого удивительного и не похожего ни на какой до этой встречи рассвета...

По дороге они вели почему-то странный и натянутый разговор, когда говорить о важном на ходу не имело смысла: оба думали о своем. Каждый скрывал в душе то главное, что вот-вот должно было вырваться наружу и внести ясность в пролетевшие так непонятно для них последние два года разлуки и молчания.

«Ну, почему так всё просто и так незначительно? Уйти, сейчас же, сию минуту... – сверкнула, словно молния, мысль, но Наталья не имела сил, чтобы сделать хоть один шаг, который бы отдалил её от Горина. – А я ведь так ждала встречи! И днем, и ночью, на рассвете и на закате... Ждала зимой и летом, весной и осенью... Ждала и любила, сжигая себя на невидимом костре... Ждала и так верила... Вернее, хотела верить...» – металась Наталья Николаевна от одной мысли к другой, и они потрошили её сорвавшееся с привычного ритма сердце до изнеможения. Что-то внутри обмякло, онемело, и она, напрягаясь, пыталась хоть как-то заглушить внутреннюю боль, но сердце, бунтуя, стучало всё чаще и сильнее, словно там, заперти, оно задыхалось без свежего глотка необходимого для жизни воздуха.

Карие под спелый каштан глаза Горина смотрели на совершенную, как ему казалось, женщину из-под тонких черных бровей, из которых одна была с небольшим изломом и поэтому всегда казалась приподнятой в изумлении. Он внимательно и с нежностью разглядывали её, нежного и колючего Ёжика: среднего роста, стройная, привлекающая к себе тонкая, как тополек, фигура и очень грустные зеленовато-серые глаза; маленький, слегка вздернутый носик, красиво очерченный небольшой рот. Белая вязаная шапочка облегла головку, подчеркивая пропорциональные её формы, и густые темно-русые брови, выгнутые роскошными дугами и не тронутые пинцетом.

Не отрываясь и мысленно возвращаясь в прошлое, он впитывал в себя каждую её черточку, которую изучил в прошлом, красивом и счастливым, и, радуясь, что узнавал все мелочи и, узнавая, радовался: вот она, рядом, пожелай лишь... Вот она подняла руку, привычным, знакомым ему жестом поправила волосы... Её руки, нежные и ласковые, горячие и трепетные...

Он их знал!.. Он их знал в прошлом...

ПОЗОВИ! Я ВЕРНУСЬ!!

Руки... Её руки!.. Горин знал, что нежнее и ласковее рук, чем у Наташи, нет ни у одной женщины! Тонкие, нервные, с длинными пальцами, они поражали своей необычностью и, казалось, улавливали любой внезапный звук, шорох и интонацию чужого голоса. Не на её лице, а именно на руках будто застыли все сложности её нелегкой жизни. И Горину захотелось, как делал он прежде, снова взять их в свои сильные ладони и слегка, не сжимая, коснуться губами, но вместо этого он лишь спросил, подавляя своё неумное желание снова иметь в своих руках эти нежные и ласковые Наташины руки:

– Так всё же как твои дела? Пишешь?

Наталя, запутавшись в своих тревожных мыслях, появившихся так внезапно и в таком хлопотливом месте, неожиданно вздрогнула, и ее пушистые ресницы взлетели крыльями вверх:

– Немного. Отвлекаюсь от домашней суеты. Иногда стихами живу, ибо, знаешь... – и она не закончила свою потаённую мысль.

– Не скромничай! Верю, что есть успехи. Не может их не быть! – уверенно произнес Горин, зная наверняка, что Наталя Николаевна в поэзии заняла свою высокую нишу.

– Совсем небольшие, – опять поскромничала Наташа. – Что-то получается, что-то нет.

– Ну давай, Ёжик, выкладывай! Ты же умеешь тронуть сердце и заиграть на душевных струнах, чтобы они запели или, наоборот, зарыдали. Что не так?

Наталя смутилась и, заправив выющуюся прядь волос под шапочку, ответила:

– Ты, Вадим, как всегда, преувеличиваешь мои успехи и при случае возводишь меня на пьедестал, где места уже давно заняты другими. Давно и напрочь!

– К сожалению, не всегда по заслугам, а по знакомству да по деньгам. Факт! Тебя-то тащить некому... – Горин разглядывал снова лицо женщины, родной и такой любимой, но никогда не принадлежавшей ему. – Что-то новое написала? Не заставляй нервничать!

– Если хочешь, зайдем в вокзал, и я тебе кое-что прошепчу.

Через несколько минут они уже стояли в углу вестибюля, в стороне от не прекращающегося людского водоворота. Горин торопил её, зная, что она пишет звонко и тревожно. И он взмолился:

– Ну, хоть несколько строчек! Тех, что берут за душу и не отпускают неделями. А лучше прошепчи мне на ухо что-то из нового... – И Горин тут же ощутил у своего лица, как это было раньше, шелест её горячих губ, которые выдыхали ему в ухо умопомрачительные строчки неудержимой и страстной любви. Сердце его волновалось. – Что-то новое есть? Есть же!

– Конечно. – Наташа метнула глаза вниз, словно уронила их, и некоторое время медлила. На её лице, наконец-то, появился румянец, так украшавший её смуглое утонченное лицо. Она была восхитительна! Этого Горин не заметить не мог.

– Ёжик, не тяни! – торопил он её, а про себя думал: – Стихи... Её стихи непревзойденные! Их так ему не хватало за последние два года.

– Но... но... – пыталась она оправдаться. – Не место здесь для поэзии. Если бы... – и её мысли снова увели их, двоих, в отдельную полутемную комнату, где они смогли бы принадлежать друг другу до глубины счастливого отчаянья, до самого дна тех чувств, где всё выгорает и где всё испепеляется и сжигается...

– А ты тихонько. Я всё услышу.

И зашелестел её незабываемый, её необыкновенный голос, и её пухлые губы произносили слова, которые, точно стрела, попадали Горину в самое сердце.

Живу —по-прежнему одна,

В душе так холодно, тоскливо...

О, знал бы ты, как сиротливо

Я пью печаль свою до дна!

Глаза Горина повлажнили, а до него доносились строчки безысходной правды:

Увижу вновь твой блеск очей

И утону в них шаловливо...

Живу той радостью счастливой

Среди тоскующих свечей...

Горину показалось, что он задохнулся от этих правдивых строчек, вылетающих из слегка вздрагивающих уст такой любимой и желанной женщины. Взять бы её сейчас на руки и унести в красивый край, где нет лжи и ненависти, предательства и душевной тревоги. А до него доносился её ангельский голос:

А мне любить – себя дарить

Тебе до капельки, до донца,

Не помня, что-то говорить,

И восторгаться и поить

Напитком жаждущего солнца...

Горин взял её руку, поднес к губам и почувствовал, как она дернулась, пытаясь освободиться. Это чувство было для него не ново: эту дрожь он знал и раньше. Он знал её до глубины души.

Какое-то время он молчал. Всё вокруг кружилось, вертелось, жужжало, а он думал: «Какой же я негодай! Не мог без неё – и не взял... Любил её одну – и оставил... И она любила его, как любят первый и последний раз... Я это знал, видел... И всё-таки уехал...»

«Та же и не та, – продолжал он думать с горечью, узнавая и не узнавая её. – Что-то всё же изменилось, что-то тонкое и неуловимое. Два года разлуки и молчания не прошли даром...»

Он, Горин, это чувствовал.

Зал монотонно гудел. Все вокруг суетились, двигались, спешили, толкались и, не уступая друг другу, громко выражали свое недовольство.

– Спасибо, Наташка! – Вадим Сергеевич обратился к ней по-старому, как он любил называть её еще там, в их маленьком городке, где все знали друг друга. Он выпустил её худенькую руку и спешно искал глазами её глаза, чтобы в них прочитать её сегодняшние мысли и чувства, чтобы выудить из них то, что два года назад цвело в них: бери, черпай пригоршнями, наслаждайся их глубиной и преданностью, но они были непроницаемы. Они были другими!..

Горин был подавлен. Он испугался этого отчуждения и не мог в это поверить.

– А из новых стихов прочитай что-нибудь, – еле он выдавил из себя, будто его горло стянули обручем, и он вот-вот задохнется. Горин со вздохом втянул в себя спертый вокзальный воздух.

– Из новых? – Наталья задумалась лишь на мгновение, подняла голову и словно стрельнула возбужденными глазами в его беспокойные, пытающиеся спрятаться глаза.

И снова её шепот возбуждал его готовое разрыдаться сердце:

В этой жизни тревог и смятенья,

Среди горечи многих потерь

Не суди за моё не прощенье,

За не смятую нами постель.

Я была несговорчиво нежной...

Я любила...

Ты помнишь те дни?..

– Наташка, хватит! – прозвучал, как выстрел, громкий голос Горина над её головой. – Не бреди душу!..

Сжав до боли пальцы, Наталья смотрела куда-то вдаль и думала, что именно сейчас решается какой-то очень важный вопрос в их жизни: жизни Вадима и её, Наташиной, ибо до этой встречи этот вопрос, недосказанный, недопетый, незавершенный, всё еще жил в их судьбе.

– Не надо! Потом... – Горин не знал, что еще сказать Наталье Гавриловой, которая занимала всё еще много места в его жизни. – Я всегда восхищался тобой в этом плане. И не только в этом... Поздравляю! Ты выходишь на недосыгаемую орбиту, где нет места мне. И я очень рад за тебя!

– Нет у меня никаких орбит, уверяю тебя. Пишу и пишу! Без строчки каждый день – уже не могу...

В её бархатном голосе, в манере держать себя, в движениях и во всём её облике, знакомом до привычного, Вадим Сергеевич вдруг уловил что-то новое, ему не известное, и ревность шевельнулась в нем. Много лет он растил её (так всегда считал про себя) из девчонки, пускай смысленной, тонкой и одаренной, нот всё-таки деревенской, лепил женщину, которая манерами, умом и интеллектом выделялась среди других, пользуясь уважением и привлекая к себе внимание. Всё, что было в ней, даже её чистая, правильная речь, умение красиво и со вкусом одеваться – всё это он считал результатом своей многолетней работы.

И вдруг её это спокойствие, чего он раньше не выделял, её глаза... Что это? Кто-то другой, а, может, она сама за эти два года придала законченную форму самородку, которому в свое время Горин не придал особого значения? И мелькнуло в голове смутное, не четко выраженное, но означавшее, примерно, следующее: «Это и есть сущность её натуры! Она – талант, причем, милостью божьей. И всё тут сказано: ни отнять, ни прибавить!»

– Вадим! А как ты живешь? – услышал её приятный голос. – Диссертацию закончил?

– Да, Наташка! Всё уже позади, – успокаивался он, подавляя внутреннее свое возбуждение. – За неё, увы, жизнью и счастьем расплатился. Понял это давно.

– Человек увеличивает свое счастье в той мере, в какой он доставляет его другим. Время, чтобы быть счастливым, никогда не проходит. Даже в зрелые годы.

– Кто на что способен, – уклончиво ответил Горин, понимая, на что намекнула Наталья Николаевна. – Да и особого времени не было, чтобы все годы размышлять о счастье. Жизнь втянула меня в свой водоворот, как в омут, выжала все соки и выбросила на берег. Хорошо еще, что не утонул в ее мутных волнах. – Я еще о счастье... Всё то, что мы называем счастьем, и то, что называем несчастьем, одинаково полезно нам, если мы смотрим на то и другое, как на испытание. Не всякие испытания оставляют на сердце шрамы. Но есть такие испытания, что... что раны от них не заживают никогда.

Наталья Николаевна, не зная о чем он говорит, вздрогнула всем телом, но не проронила ни одного слова.

Горин, к сожалению, не знал, сколько шрамов осталось за прошлые годы жизни на сердце Натальи Николаевны. Не знал и не ведал... А они всё ещё жили и кровоточили...

ДВОЕ В НОЧИ...

Привычно надавив двумя пальцами на переносицу, Наталья Николаевна уже чувствовала себя спокойно: улеглась в груди буря и не пульсировала во всю свою силу на виске жилка. Увидев приподнятую бровь Вадима, в душе улыбнулась, не заметив, что на месте этого излома торчали несколько седых волосинок.

– Поздравляю, Горин, с успехом, – совершенно спокойно сказала она. – Хотя с опозданием, но... – Она пожала плечами, мол, не моя в том вина, что ничего за два года не знала о тебе. – А Толя как? Как сложилась его жизнь?

По лицу Горина сразу же пробежала судорожная тень, дернулся правый верхний уголок губы, и он глухо произнес:

– Толи нет...

– Как нет? Что с ним случилось?

– Ёжик! Не надо!.. Прошу тебя!

Наступила пауза. Сердце её, не соглашаясь с услышанным, сжалось от такого известия и от ощущения своей невольной вины, разбудившей его, любимого человека, боль.

– Вадим, прости, пожалуйста! Не знала... – Наталья осторожно кончиками слегка дрожащих пальцев коснулась его руки, словно хотела погладить её, да, испугавшись своей недозволенной нежности, передумала. – А сам-то ты как? Женат?

– Нет! – сухо ответил Горин, желая причину своего одиночества частично переложить на неё, Наталью Гаврилову: всю жизнь она была рядом с ним и в его сердце; она была у него на глазах. Она любила его, и он пользовался этим в свое удовольствие. – Всё ещё холостякую...

– Но кто-то же есть у тебя? – не поверив Вадиму, спросила. – Подруга? Женщина? Любви-ница?

– Представь себе, нет никого. Я – один! Вернее, я одинок...

– Человек создан для того, чтобы жить в обществе друга, подруги. Этого требует природа. Оставить человека одного, значит, приговорить его к несчастью. – Наташа говорила эти мысли с горечью, не глядя в потемневшие глаза Горина. – Мысли от одиночества путаются, характер ожесточается, появляются нелепые мысли. Как жить в одиночестве? Тебе, Горин, нужен друг.

Истратив много сил на обуздание своих переживаний от неожиданной встречи, Горин нервничал и чувствовал, как с каждой минутой сам слабеет и опустошается.

– Поезд мой ушел, – выдал он из себя, и Наталья Николаевна вздрогнула: таким печальным показался ей его голос, совсем не тот, который она знала и впитывала в себя изо дня в день, из года в год. Поверить трудно, но это так! – А как же ты живешь, Наташка? Я ничего о тебе не знаю вот уже целых бесконечно долгих два года.

– Это, Вадим, вечность... Всё нелепо, надуманно... Всё не так, как хотело сердце...

Горин, споткнувшись о последнюю фразу, прозвучавшую, как приговор, некоторое время молчал, не понимая, что же ответить ей, этой великолепной и сейчас немыслимо далекой повелительнице его прошлых (да и настоящих) мыслей и желаний?

А Наташа продолжала:

– Я не живу, Горин, я таю... С каждым днем всё больше и больше. С утра до ночи на работе. А ночью? Ночью иногда что-то неведомое, тяжелое и печальное наваливается всей своей тяжестью, и даже слез нет, чтобы всё выплакать и отмучиться... И до самого утра не спишь... А на следующий день опять стол, бумаги, завязки-развязки, узлы, ребусы... И всё встаёт на свое место. И ты уже себе не принадлежишь, исковеркав всю себя ночью до неузнаваемости...

Учащенно билось сердце Горина. Он страдал, слушая свою Наташку, такую любимую и такую незаменимую, но сейчас почему-то непонятную. Непонятную в такое время, когда они так неожиданно и так невероятно встретились.

Бери, занимай её сердце и властвуй! Властвуй, как своим! Черпай из него любовь, чистую, горячую! Наслаждайся! Купайся! В её неиссякаемых чувствах!

Нет, Горин сейчас видел другое... Он её терял...

– Чего же ты ждешь? От жизни что хочешь взять?

– Наверное, Горин, вот эта встреча искупила все мои страдания за два года и за всю свою жизнь, такую счастливую и нелепую, такую возвышенную и развеянную по ветру. А почему?

Подняв голову, она смотрела на Горина, не отрываясь, и видела его прежним, каким он был до разлуки. С её дрожащих ресниц вот-вот готова была скатиться слеза. Она её спрятала.

А Горин стоял и думал, что, в сущности вот эта женщина, без которой ему до этой встречи, казалось, можно было обойтись и без которой он действительно обходился, она, эта женщина, была причиной его одиночества, потому что стоило приблизить к себе другую, как она тут же начинала раздражать его либо тем, что никак не напоминала Наташку, к чему привык за долгие годы, либо, напоминая одним, не могла дать остального. Нет, её он не вспоминал днём и ночью, но именно рядом с другими она возникала со всем тем, что так необходимо было ему, удаляя этим самым других, может, и интересных женщин.

Стараясь понять состояние Горина, Наталья Николаевна в то же время думала о своем, наболевшем, чего еще вчера не посмела бы высказать человеку, который был многие годы для нее дороже жизни. Ей до этой встречи казалось, что она свою боль и тоску унесет в могилу, навсегда, на века.

И она заговорила.

– Пусть, Горин, я тебе была не нужна: во что-то не вписывалась, чему-то не соответствовала, но здесь, в Москве, есть умные и порядочные женщины, достойные тебя. Не понимаю, почему ты до сих пор один? Не понимаю! – Наталья заволновалась. – И не хочу понять! Просто не могу! Ты достоин по всем твоим данным лучшей женщины Москвы, но ты почему-то без этой женщины. Ты всё твердил мне: «Работа! Работа!» Ну, хорошо, Горин! Тогда скажи: во имя чего твоя работа? Во имя будущего? Но где оно, если у тебя нет настоящего?

Снова дрогнули уголки его губ и по лицу прошла заметная тень боли. А Наталья продолжала:

– Не все так просто, как сейчас кажется. И тебе, и мне... Чем будем завершать нашу жизнь?

Вадим Сергеевич бодро, деланно, будто очнувшись, поднял руку и глянул на часы.

– У тебя, Горин, всю жизнь на первом месте стоял вопрос: работа и достижение цели, а я в это время оставалась в твоей тени, тобой недолюбленная и не разгаданная. А когда тебе было меня разгадывать да любить без остатка? У тебя одно не позволено, а другое – бестактно, а жизнь-то бежала и бежала от тебя... И часть этой жизни, самой яркой, самой звучной, уже не догнать...

Выслушав её горькие упреки, Горин, нет, не защищался, а развивал мысль Наташи дальше, вовсе не желая оградить себя.

– Знаешь, Ёжик, у каждого человека должен быть тормоз. Он-то и не позволяет переступить черту к вседозволенности. Человек не должен никогда сойти с широкой дороги чести, даже под благовидным предлогом, что цель оправдывает средства. К благородной цели всегда можно прийти лишь честным путем. А если нельзя это сделать честно, значит, и цель не достойна доброго слова. Это святая истина, Наташка!

Горин каким-то чувством понял, что Наташа сейчас все его слова и фразы будет непременно примерять на себя, и, чтобы этого не случилось (а он очень хотел для неё покоя), сказал для завершения неразрешимого для такой короткой встречи вопроса.

– Ничего на свете, даже сама жизнь, не стоит того, чтобы её украшать похвалой и почестями, ценою малейшего ущерба для своего достоинства.

Чуткое сердце Наташи дрогнуло: опять достоинство, честь, обязанность! Она сама эти понятия знает не хуже Горина, и она, кстати, никогда еще не поступилась своей честью, а что любила его, Горина, больше жизни своей и белого света, не её в этом вина. Боролась с собой, как могла, топтала эту самую любовь, сжигавшую её ежечасно дотла, до головешки, но она еще больше сверкала, будто тысячи солнц.

– Совесть всегда должна быть с молоточком: и постукивает, где надо, и погрюкивает, чтобы о ней не забыли... – Наташа снова тронула выбившейся из-под шапочки роскошный локон золотистых волос. – Вадим, а, Вадим! Время уже!

Гарин снова взглянул на часы. Лицо его помрачнело..

– Ну, Ёжик! У меня последний поезд... – И, отвечая на её удивленный взгляд, заметил: – Да, время бежит быстро. Давай я тебя провожу несколько метров.

– Нет, нет! Ни к чему всё это! Ты беги!

– Я не хочу оставить тебя, маленькую и такую беззащитную, в этом огромном городе.

Они спешно вышли из здания вокзала. Ветер усилился: он то хороводил снежинками, закручиваясь в спираль, то сеял мелкой крупой, а то хлестал прохожих сплошной сыростью, которую и дождем-то назвать нельзя было.

Вадим Сергеевич и Наталья Николаевна шли молча. Через несколько минут они снова разъедутся по своим углам, каждый в свою жизнь, неведомую другому, а где-то из глубины их жизни поднималось их прошлое, слитое воедино, придавленное пластом времени и непреодолимых обстоятельств того же прошлого.

К РОДИТЕЛЬСКОМУ ДОМУ

Почти на ходу Вадим Сергеевич вскочил в пустой вагон, в черных проемах окон которого, как в зеркале, отсвечивалось его содержимое: ряды кресел, три пассажира, он сам – и больше никого! Казалось, что там, за пределами этих стен, – сплошная пустота: ни леса, ни ветра, ни снега. Нигде ничего вокруг не было, так он сам был одинок.

Там, за холодными окнами, в снежной круговерти, осталась его Наташка.

«Странно, – думал он, плотнее кутаясь в воротник пальто. – Странно, что я посадил её, свою единственную на целом белом свете женщину, не в этот поезд, где я сижу, где я смог бы её обнять и защитить от непогоды, от одиночества, от двухлетнего молчания, а в троллейбус, в маленький троллейбус, в котором она сейчас едет не с ним, Гориним, а с чужими ей людьми, отдаляясь от него всё дальше и дальше. В то же самое время и он едет с незнакомыми пассажирами и тоже с каждой минутой удаляется от нее, такой желанной и любимой. Как он допустил всё это?! Почему сейчас её нет здесь? И снова виноват в этом он, Вадим Горин. Только он один до сих пор вершит судьбу Наташи. Сколько же она натерпелась от его передышек? А сколько его необъяснимых взрывов и молчанок?

Вспомнилось её письмо, первое после их разлуки:

«Милый! Родной мой! Кажется, разрежали меня пополам, и из каждой клеточки сочится кровь. Кровь моя, живая... От этого боль невыносимая. Не знаю, что делать? Говорят, время лечит... Но сколько нужно времени, чтобы затянулся этот разрез на самом сердце? А если и затянется, то какой же рубец будет... Он не даст дышать... Он не позволит жить...»

«Затянулись, видно, все раны, – рассуждал Горин, разглядывая свои удлинённые пальцы, которые почему-то мелко дрожали. – А шрамы... А к шрамам можно привыкнуть. В том-то и штука, что любовь – живое чувство и, как всякое живое, прежде, чем умереть, находится в клинической смерти, когда её еще можно оживить... А потом? Потом необратимые процессы – и все попытки приводят к уродству души и тела. – Горин съежился от неожиданного вывода и, чтобы пальцы не дрожали, сжал их коленями. – Чтобы спасти наши чувства, я опоздал на целых несколько драматических лет... Это слишком большой срок».

«Поздно!» – почти вслух проговорил он, и сидящий напротив пассажир переспросил:

– Вы что-то сказали?

– Да нет! Просто говорю, что уже поздно.

– Да, поздноватое, – поддержал разговор сосед. – Я тоже едва успел на этот поезд... – и дальнейший разговор тут же прекратил, увидев, что симпатичный пассажир смотрит не на него, а куда-то в пустоту.

Горин думал о своем. А кто-то другой, в нём, в Вадиме Сергеевиче, спорил:

«В конце-концов, мог бы пригласить Наталью просто в гости. Столько лет мечтал о близости с ней и в своё время не захотел этой возможностью воспользоваться...»

Другой же голос нашептывал:

«Да, да! Выпить по рюмочке ароматного вина... Потом заглянуть в самую глубину ее зеленых глаз и там... там утонуть на всю жизнь... А еще прижать её, такую незащищенную, такую нежную и целовать, целовать недоцелованную в своей несчастливой жизни до изнеможения...»

Горин не мог дальше додумывать ту картину их желанной встречи, которая могла бы случиться, будь он понастойчивей.

И он сник... Сник надолго, заставляя себя не думать о Наталье. Но мыслям не прикажешь, и они, разрывая его сердце, роились и роились, желая побольнее ударить по нервным клеткам.

Мерно постукивали колеса электрички на стыках, мелькали остановки – и в ночную пустоту распахивались двери, из которых никто не выходил.

Примостившись полужёжа, втянув голову в воротник пальто, Горин прекратил собственные дебаты, закрыл глаза, но от этого мысли не улетучились, а только приобрели ясную образность.

«Восемнадцать лет прошло с того дня, когда он, Горин, впервые увидел её, Наташку Гаврилову. Восемнадцать!.. Целая жизнь, – думал он, изредка облизывая начавшие гореть губы. – Из них – двенадцать прожито рядом, глаза в глаза, во взаимной неистовой любви, за рабочими столами напротив друг друга, по восемь часов в сутки, а то и больше. Двенадцать лет не вместе, а рядом, не познав друг друга в постели... «Не бывает такого!» – кто-то скажет. «Бывает! Еще как бывает!» – ответил бы каждому сомневающемуся Горин, испытывавший всё на себе.

Я видел, – продолжал он свою горькую думу, как её чистые и не замутненные ничем и никем глаза часто затягивались пеленой недоверия, затравленной настороженности, пока не тонули в пучине грусти, не проходящей даже во время её самого искреннего смеха.. А она смеялась очень редко: жизнь не позволяла...»

Наташа возникала перед ним то совершенно иной, девятнадцатилетней, то в расцвете мягкой, манящей красоты, то видел её в день его отъезда в Москву. Сколько грусти, рвущей сердце, было в её глазах! Сколько борьбы, нечеловеческой, неземной! Он, Горин, это видел... И он, Горин, тоже страдал...

Вспомнилось, как перед последним экзаменом зимней сессии на 4-м курсе пришло письмо от матери, определившее всю его жизнь и всё, что в ней было потом.

«Вадик, сынок! Не знаю, с чего начать свой разговор, но выхода нет. Поподумала я и слёз сколько пролила, а придумать так ничего и не сумела. Отец наш последний год шибко хворать стал. Пуля у него в лёгком, говорит он, шевелится. Почти не работает. А што мы без него? Я со своими ногами не работник. Юра совсем еще несмышлениш. Одна надежда на тебя.

Сыночек мой, ты уж прости, но, может, ты будешь учиться заочно, как Сашка Громов? У нас, говорят, завод будет большой, там, где были мастерские и сейчас туда людей берут. Ты узнай в своем институте. Может, можно тебе здесь доучиться...»

Приехал на каникулы, оказалось – навсегда. Только звякнула щеколда калитки, вышла мать, едва передвигая свои распухшие со вздутыми венами ноги; вихрем налетел десятилетний Юра, схватил руками за шею и повис на нём, обхватив талию ногами. А на веранде уже стучал ногой-костяшкой отец и добродушно ворчал:

– Ишь, старая, чего придумала, пока я в больнице лежал? Парня с учебы сорвать. Ты что? Меня уже хоронить собралась? Ну, болел... С кем не бывает! Пошевелилась там пулька клятая, затихнет. А ты вот что, Вадька, и не смей делать всё, как мать говорит. Что это за учеба, когда работать надо? Помогать шибко мы тебе не сможем, ты уж сам как-нибудь, а мать и сына я еще в состоянии прокормить.

– Хорошо, хорошо, папа. Так и будет, как ты советуешь, – ответил Вадим, целуя по очереди всех своих родных. – А как у тебя дела, братуха?

– Всё хорошо. В школе одни пятерки. Только вот... – и пошел выкладывать все свои ребячьи жизненные неувязки.

Вадим почесал затылок, не в силах ответить на все возникшие дома вопросы.

– Ладно. Разберемся. Вникнем во все твои проблемы.

Вадим видел, что отец просто хорохорится и старается в его присутствии прибодриться. Вид у него был неважный: синюшного цвета кожа обтягивала выпирающие скулы, глаза под набухшими веками... Бессонница, наверное, измучила их.

Вадим решил окончательно: жизнь свою надо перестраивать! И не раздумывая более ни дня, ни часа – решил вернуться к родителям.

Поехал в Москву, забрал документы и перевелся на заочное обучение в свой областной город.

ВАЖНАЯ ВСТРЕЧА

Машинно-строительный завод гудел людскими голосами. Их было множество: мужские, женские, совсем юные, голоса движков, моторов – всё смешалось в пестрой разноголосице.

Конструкторский отдел, куда взяли Горина, насчитывал всего шесть человек. Начальником отдела был тот самый Сашка Громов, о котором ему писала мать и который действительно в этом году должен был уже защитить кандидатскую диссертацию. Он же был и самым старым по возрасту. Остальные же были ровесники Горина и даже помоложе него.

Горин пришел на работу чуть раньше назначенного времени. Огляделся вокруг, присмотрелся. Ничего! Понравилось! Атмосфера почти та же, что и в студенческой группе.

Веселые и дружные ребята приняли его добродушно, и контрастных наблюдений у Горина коллектив не вызывал. Чем-то симпатичен был ему Юра Синицын, с коротко остриженной круглой головой и темно-карими блестящими глазами. По отдельным репликам и фразам понял, что здесь есть еще и седьмой человек – девушка-калькировщица, которая в это время была в декретном отпуске и должна была вот-вот родить. Говорили о ней так часто и так подробно, что у Горина даже возник её удивительно красивый образ, хотя речь велась о беременной женщине.

Отживал свои дни не очень-то теплый весенний месяц. Наступила пора облагораживать небольшой клочок земли возле заводууправления. Накануне был объявлен воскресник. Задание было вполне конкретное: вскопать утоптаный заводчанами грунт, обновив клумбы, и посеять цветы. Чтобы сохранить для отдыха воскресенье, конструкторский отдел решил выполнить эту работу после трудового дня.

Приятно было после восьмичасового рабочего дня в маленькой комнатухе оказаться на улице под ласковым апрельским солнцем, размять мускулы и свое молодое, требующее движений тело. Копали, сгребали, толкались и шумели.

Вдруг почти у своего уха Горин услышал восторженный возглас:

– Наташка! Привет! Как дела? Куда топаешь?

Работа тут же остановилась. Все выпрямились, наперебой выкрикивая свои радостные приветствия, подняв лопаты и грабли над головой.

Горин увидел женщину. Она шла к ним по тротуару... Нет, не шла, а гордо выплывала откуда-то из неведомого края, как показалось ему, неся под просторным синим в белый горошек платьем свой большой округлый живот. Вздернутый маленький носик, поднятая головка в крупных светло-русых локонах, которые волнами сбегали по её прямой спине и в которых плескалось солнце, подсвечивая их изнутри и играя бликами в каждой волосинке.

Горин чуть не ахнул. Он понял, что это и есть та Наташка, о которой так много говорили ему коллеги. И он напрягся. Да, она была именно такой, какой и раньше вообразил для себя он, Горин, с молодым и горячим сердцем. Да, Наташка была та и не та: в ней было столько таинственной женственности, столько величия и юной красоты, что Горину казалось, будто это не обыкновенная живая да еще беременная женщина, а великая тайна природы, сотворившая такую чистую и редкую красоту.

Сияли, как начищенные золотники, все ребята, встречая Наташку: всем хотелось быть замеченным ею, всем хотелось, чтобы она, светясь белоснежной улыбкой, постояла бы рядом.

Необъяснимый мир! Необъяснимый восторг в груди Горина! Отчего всё это? Отчего?! Не с этой ли первой встречи? Не с этого ли горячего, как огонь, взгляда началась его, Горина, любовь?! Первая и последняя! Настоящая и непререкаемая! Глубокая до самых краев; всколыхни – и прольется неудержимым потоком, сметаая на своем пути всё: и законы, и препоны и всякие препятствия, окажись они на пути.

Потом это чудо повторилось, когда они всем «кубриком» прибежали к ней домой поздравить с рождением сына. Прибежали без предупреждения, купив подарков, а она, богиня, с распущенными золотисто-русыми волосами, с блестящими от материнского счастья серо-зелеными глазами, которые излучали столько счастья, что его бы хватило на сто юных мам, как раз, искупав малыша и завернув в большое махровое полотенце, кормила его грудью, упругой и бархатной, с целебным материнским молоком.

Настежь распахнулась дверь – и шесть улыбающихся ребячьих физиономий в нерешительности застыли на пороге, не зная, как им поступить? С одной стороны, коль открыли дверь – надо заходить; с другой – Наташка с оголенной юной грудью и младенцем на руках.

Она в естественном порыве дернулась, чтобы прикрыться, но малыш так властно держал сосок своей мамы крупными и сильными губами, что Наташа поняла: отныне она сама себе не принадлежит, а смутившая её обнаженная грудь на какое-то время уже не её собственность, а сынишки. И хотя почти физически она ощутила какой-то странный и цепкий взгляд незнакомого ей парня, осталась сидеть ровно, не двигаясь и не дергаясь, чтобы не потревожить малыша...

...Раскачиваясь и едва замедляя ход на некоторых остановках, поезд шел мимо подмосковных лесов, вспугивая их тишину то ярким светом горящих глазниц, выхватывая из ночной тьмы отдельные стайки кустов и деревьев, то монотонным стуком колес, то скрипом старых вагонов. Вадиму Сергеевичу казалось, что поезд на всех парах несёт его мимо прожитой жизни со всеми ее остановками, поворотами и глазами памяти выхватывает из тьмы забвения мелкое и значительное, доброе и злое, печальное и радостное, – всё, из чего состояла его жизнь, вполнину уже сгоревшая и не принесящая ему по его же, Горина, вине ни счастья, ни славы.

ДОРОГА В ПЕЧАЛИ

Наталья Николаевна, проехав шесть остановок, вышла из троллейбуса и тихо, пряча глубоко в тайниках своего сердца свое волнение от встречи с Горинным, вошла в свой номер, который устроил ей её бывший коллега по работе, а ныне сотрудник одного из Министерств Павел Мартынов.

Время было позднее. Тихо раздевшись и, уговаривая себя успокоиться, ибо сердце неугомонно колотилось до сих пор, Наталья Николаевна сняла со спинки кровати полотенце, ощупью нашла мыло в тумбочке и пошла в ванную.. Открутила кран и стала во весь рост, разглядывая себя в большом, ярко освещенном зеркале.

«Странно! – думала она. – Очень странно! И что находят во мне мужчины, которым я по-прежнему нравлюсь? Вот морщинки возле губ и на лбу уже намечаются...»

Наталья Гаврилова была на этот раз не права, обманывая себя: из зеркала на нее смотрело красивое утонченное лицо молодой женщины с легким румянцем на щеках, блестели каким-то особенным блеском озорные серо-зеленые глаза, а золотисто-русые локоны снова ниспадали на её красивые оголенные плечи. И никакой не было причины у хозяйки этих всех женских прелестей быть собой недовольной!

Она была царицей из цариц! Зеркало врать никогда не будет!..

Запустила пальцы в густые волнистые волосы. Какая роскошь! Льются по плечам, словно волны с солнечным отливом. По-прежнему, густые, по-прежнему с ароматом душистой мяты.

«Эх, Горин, Горин! Мой самый-самый! Как же ты перевернул всю мою жизнь! Может, и прав, что оставил меня, может, действительно всё это лучше, чем если бы остались вместе... Кто знает?! Кто знает?! Но сам-то ты не живешь, а маешься одиноким. А я? Что я видела в этой жизни?.. Но и ты не видел... А почему? Кто виноват в этом?..»

Закинув копну волос за спину, Наталья включила воду. Она полилась шумно, горячей струей. Она не вздрогнула и даже не шевельнулась: все её мысли в это время были с человеком, который сейчас, в эти самые минуты, всё дальше и дальше отдалялся от неё, Натальи Гавриловой.

А мысли, путаясь и перебивая друг друга, вновь овладели ею.

«Горин, мой Горин! Ты подарил мне счастье чувствовать себя женщиной, самой счастливой и любимой. Как только я поверила в это и ринулась, сломя голову, за тобой, не разбирая дороги, не замечая вокруг никого и ничего, оказалось, что ничего уже не надо... Всё закончилось... Ты открыл для меня столько прекрасного, о чем даже и не подозревала. Открывал, открывал, и оно засверкало всеми красками радуги... Я сначала потянулась к нему, потом рванулась, но тут дверца и захлопнулась. И я словно проснулась, сжимая в ладонях пустоту и не веря ей... Сколько потом билась в эту дверь, не желая возвращаться в действительность, не признавая её... Сколько шишек набила!.. И что же в результате? А то, что случилось два года назад... Я не поняла ничего... Ты болел в какой-то тайне, ничего мне на сказав... Потом ты уехал, оставив меня..

И сегодня, пару часов назад, тоже уехал и тоже оставил меня, говорил, что родную и самую любимую, но оставил, впихнув в троллейбус, к чужим людям... А сам, такой родной и дорогой, остался за холодными окнами с поднятой рукой... Остался на какое время? На год, на два? А, может, навсегда?..

Я, Горин, не побегу за тобой не то что по первому зову, а и подумав... Нет! Не побегу! Хотя, по-прежнему, ты мой самый-самый на всю жизнь: самый главный, самый лучший и самый родной. В какой черной бездне оказалась я, когда закрылись те дверцы! И всё же, если стоит человеку родиться, то именно ради того, чтобы увидеть тот мир, который показал мне ты, хотя бы узнать о его существовании. Но как знать, что лучше: жить, ничего не ведая

и удовлетворяться имеющимся, что есть на сегодняшний день, или мучиться неудовлетворенностью, не принимая малость, стремиться к большому, не достичь его, но знать, что есть, что существует иная жизнь, другие отношения?..

Что лучше? И чем была бы моя жизнь без тебя?..»

Горячая вода с напором была мощной струёй и, разбиваясь на мелкие брызги, стекала на пол. Наталья Николаевна спохватилась, чуть прикрутила кран, убрала волосы с лица и начала энергично умываться, чуть сильнее, чем положено, похлопывая ладонями по щекам и лбу, словно хотела выбить из головы эти разгоряченные и тревожные мысли, которые пару часов назад её не посещали и были глубоко спрятаны в тайниках её души. Казалось, спрятаны навсегда, но сегодня... Сегодня – такая встреча! Сегодня – он, Горин, и они оттуда выплеснулись фонтаном, перевернув в одночасье её жизнь наизнанку, и теперь навряд ли они оставят её в покое. Не оставят! Нет!..

Тихонько, на цыпочках, чтобы не разбудить соседок, зашла в комнату и в потемках расстелила кровать, сняла халат и нырнула под холодное одеяло с намерением уснуть.

За окном гулял осенний ветер, и деревья хлестали друг друга голыми, почерневшими от сырости ветками. Эта сырость и холод всегда мешали ей быстро уснуть, а тут вдруг такая встреча!.. Она долго ждала её, искала, думала о ней... Она уже устала ждать и сегодня, в вечерний слякотный день, не думала ни о Горине, ни о встрече. И вдруг она, встреча! За какие такие заслуги?! За что ей такая награда?!

Сейчас, согреваясь, пыталась снять душевное напряжение, силясь сосредоточиться на мыслях о тепле, о завтрашнем совещании, но ничего не получалось: мысли вновь и вновь возвращали её к Горину.

«И правда, что моя жизнь без него? – назойливо сверлила одна и та же мысль, возвращая её в прошлое, где во всей её жизни, в каждом её шаге и вздохе был только он, Горин! Горин и Горин! Как без него? И рассвет не наступал без Горина, и солнце не вставало без него, и дышать не могла без него...

Вся она, от пальчиков ног и до волоска на голове, что? Целый ряд ошибок и многих неоправданных надежд. А всё потому, что не умела ждать. Поторопилась замуж, не успев даже понять: была ли на самом деле у неё любовь к Максиму Гаврилову? Казалось, что была... Казалось, достаточно благих намерений и желания любить. А потом он явился, Горин... Явился – и уже было поздно что-то переделывать, хотя передумать можно было. И она передумала, не взвешивая ни на каких весах. Пошла напролом!... Пошла за настоящей любовью, ломая все законы и препоны.

Хотела быть художником, стала инженером, потому что течение так вынесло. Думала: не для меня все те художественные институты да школы, а что оказалось?

Видела себя девчонкой, совсем юной, с двумя толстыми косами, только закончившую школу. Подала документы в институт: хотела учиться рисовать. Куда там?! Такие таланты понаехали!

С чувством обреченности ждала своей участи, и всё было именно так, как и думала: надо было забирать документы, ехать домой, в деревню. Мария Степановна, её тётя и мама в одном лице (отец умер после двух месяцев его рождения, а мама – через полтора года) встретила её шуточно, улыбаясь и пытаясь за этим скрыть своё огорчение и подбодрить раскисшую от неудачи абитуриентку.

– Столицу увидела, детка, и то ладно. Подможешь мне в работе, а на следующий год езжай в Красноводск в пединститут, там, может, тебя и ждут да и писать научат. Ишь, куда замахнулась! Протягивай ножки по одежке. – Видя, что это не помогает (Наташка готова была вот-вот от ее слов заплакать), смягчила свой сердитый тон:

– Ну-ну, перестань, девонька! Молодая, красавица, с умом, не пропадёшь. Экое баловство – стишки писать. Лучше рисуй себе на здоровье. Больно нужен тебе институт! – и при-

тянула её к себе, начавшую плакать от своей да тёткиной жалости, от неудач и огорчений и от того, что на нее будут пальцами показывать, мол, лучшая ученица школы провалилась на экзаменах. Значит, такая она отличница!

Потом в её жизни появился Максим Гаврилов, приехавший в гости к своей бабушке, соседке Марии Степановны. Красивый, высокий, кудрявый и такой солидный. Молодой, а говорил, что работает на заводе начальником.

Всё восхищался Наташкиными длинными роскошными косами. Приехал раз, приехал два, а на третий раз сказал: «Дорасти до 18-ти лет и выходи за меня замуж.»

Наташка, убегая от его горячего взгляда, думала, что он, такой статный и умный, просто шутит. С ней часто шутили, как с ребенком, почему-то не признавали её взрослости. Других девчонок домой парни провожали, ухаживали за ними, а её, Наташку, мальчишки играть звали, а ребята постарше только и знали, что хвалить косы, называя её недотрогой. От досады хотелось их даже обрезать, что вскоре и сделала...

А тут и Максим подрос и позвал замуж. Решила, что вновь шутит, обиделась, а потом оказалось, что он и вправду был в неё влюблен. Влюблялся долго и молча, ожидая своего часа. Влюблялся искренне и навсегда, ибо видел в скромной девочке свой идеал будущей жены.

ЖИЗНЬ НАИЗНАНКУ

Максим Гаврилов, завидный жених, не думал о пышных и богатых девушках: ему сразу же приглянулась юная золотокошая девушка, с белоснежной улыбкой и ярко-изумрудными распахнутыми на всё ангельское личико глазами. Это была Наташка – соседка его бабушки, куда он приезжал в гости.

Лишь увидел её – зашлось сердце, заняло в груди: только и мечтал о такой, светлой и скромной, чистой и застенчивой, с необыкновенными серо-зелеными глазами, устремленными навстречу жизни, глубокими, как два озера. Много ли встретишь таких?! И у кого они такие?..

После первого насильно сорванного Максимом поцелуя, Наташка испугалась: ей показалось, что Максим хочет съесть её, так он был жаден в поцелуе.

«А в книгах, – думала она, – совсем не так ведут себя молодые и влюбленные... Там как-то всё происходит нежно, красиво... Вначале долго разговаривают, волнуются, а потом уже незаметно, прикрывая от стыда глаза, целуются».

Но смирилась, не убежала и не прогнала Максима. Раз так, значит, так оно и должно быть! До него она ни с кем не целовалась, с тётей-мамой разве?

Смотрела на Максима, широко открыв глаза. Не то, что привыкала, а постепенно смирялась с его ласками и поцелуями. Думала: иначе не бывает. Наверное, у всех женихов и невест так всё и начинается... А она, Наташка, хочет что-то своё придумать, либо с тех же книжек брать пример.

Зато тётя-мама говорила ей:

– Наталья! Не пара он тебе. Оставь ты этого кавалера. Я чую недоброе. Ой, чую!..

– Подумаешь, не пара? Почему не пара? Потому что он образованный и городской, а я деревенская? И я буду учиться! Догоню его обязательно. Вот увидишь!

– Да он и старше тебя. Слишком уж напористый... А ты хоть любишь его?

Наташка сверкнула своими красивыми зелеными глазами:

– А кто такого красивого не любит? Конечно, люблю. Ещё как!

– Эх, дитя ты, дитя! Твой жених, поди, еще в школу ходит. Он из тех, которые тебя играть зовут. Не пара он тебе! Не пара! И не тем, дочурка, что он образованный да городской. Не тем! Как тебе объяснить, если сама не чувствуешь?

Может быть, Наташа и чувствовала, если бы знала, что именно надо чувствовать. Всё ведь было хорошо, интересно, лишь Макс целовался слишком жадно, не помня себя и дрожа всем телом. Ей же хотелось с нежностью прикоснуться к нему и самой поцеловать, но стоило ей потянуться к нему, как он на тихие и робкие прикосновения её губ обрушивал лавину необузданных чувств, заглушая и пугая её порывы. Всем он был хорош для неё. Даже скучала, когда долго не приезжал, ни о ком и думать не хотела. Вот только его жадность в поцелуях её пугала и настораживала до боязни.

– Максим, – иногда просила его, – поговорим о чем-то. Не обнимай меня и не целуй так сильно! Я тебя иногда боюсь. Боюсь, что...

– Нет и нет, кроха! – прерывал он её и снова жадно зацеловывал: горели от его нетерпеливых поцелуев её губы, глаза, на шее появлялись пятна, которых она на следующий день стыдилась, закрывая косынкой.

Иногда из-за этого они ссорились. Не выдерживая обильной страсти, как ей казалось, заходившей слишком далеко, отталкивала его, отстранялась. Он злился, повторяя, что она не любит его и зачем тогда выходит к нему на свиданья. Тогда становилось жалко его, такого большого и обиженного, и с жаром убеждала его, что любит, любит, только не надо так вести себя. А в ответ слышала :

– Я не могу иначе! Я тебя люблю! Очень люблю. Хочется вобрать тебя всю в себя и там радоваться тобой и восхищаться до потери сознания, до боли, до разрыва живого сердца. Иначе с тобой рядом нельзя...

Наташка волновалась. Ей еще никто таких слов не говорил. Да и в книгах пока такие слова ей не встречались. Что, это такая любовь? Так разве надо?! А по-другому никак нельзя?! Более нежно, более ласково...

И всё же верила Максиму, что не обманывает её и в то же время понять не могла, что это за любовь такая? Для него, Максима, казалось, существует только её юное тело, будто она безголовая и безрукая, будто и слов она говорить не умеет...

Чем чаще он приезжал в гости к бабушке, тем больше привязывалась к нему, считая его уже своим, и даже не представляла, что ещё с кем-то, кроме Максима, она может встречаться и целоваться.

ЖИЗНЬ В НЕВОЛЕ

Немногим больше года продолжались их встречи и почти всегда заканчивались тем, что Максим уезжал злой, а она, обвиняя себя во всём, переживала до следующей встречи, которой, казалось иногда, уже не будет. Не будет и всё! Так складывались обстоятельства.

А потом вышла за Максима замуж, полная радужных надежд и планов, самых благих намерений и прекрасных желаний. Казалось, проще простого построить счастливую семью: всё делать хорошее для мужа. Только для него и ради него!

«Так и будет! – сияли её счастливые глаза. – Так и будет! Сегодня, завтра и всегда! По-другому она не умеет да и не позволит...»

А на замечание одной из родственниц, которая, глядя на её юное и такое прекрасное лицо, спросила: «Что сияешь, как новая монета? Всё лучшее уже позади!», Наташка, блестя глазами, лишь подумала: «Видно, неудачница, вот и всем такое пророчит. Нет, у меня всё будет иначе!»

Почти с первого дня новой семейной жизни начала внедрять свой нехитрый план устройства семьи, не подозревая, что Максим получил уже от своей матери совершенно противоположные наставления и соответственно с ними выстроил свою программу: программу воспитания молодой и неопытной жены.

Единственный сын у матери, Максим Гаврилов был неплохим парнем. Его любили товарищи за общительность, а подчиненные (он работал на заводе старшим технологом) за простоту. Умный, с организаторской жилкой, он был из тех людей, которые не так простодушны, чтобы не ценить своих достоинств, и не так робки, чтобы сомневаться в правоте своих позиций, в отличие от Натальи, которая ни в чем не была уверенной до конца и считала себя помельче многих. Особенно высоко она ценила своего мужа во всех вопросах семейной жизни и словно поливала под ним урожайным дождичком благодатную почву.

Его любые желания не обсуждались, а принимались с верой в их мудрость и рассудительность, с надеждой на то, что Максим всё знает: и в работе, и в жизни. И раз он говорит, так будет лучше.

А мать его, Евгения Викторовна, высокомерная и гордая своим прошлым женщина, считала, что умнее и красивее её сына нет на целом свете. И никак не могла понять, как он мог додуматься до такой глупости: жениться на деревенской простушке. Долго сопротивлялась, отговаривала сына от этого поступка, ставила ультиматумы: я или она? Тут же приводила неопровержимые, как ей казалось, доводы: во-первых, – деревенская; во-вторых, – никто и ничто; в-третьих, – молодая, ничего не умеет, а она, мать, вечно за ним ухаживать не собирается.

Максим молчал и всё-таки настоял на своем:

– Молодая – значит, не испорченная еще жизнью, не избалованная никем и ничем. То, что деревенская, тоже не беда: ко всему приучена, к городской жизни привыкнет. А без образования? Зачем мне нужно её образование? Самая неудобная жена – образованная жена! Слава богу, моей головы и образования хватит на двоих.

– Она же тоненькая, как стебелек... Подует ветер – и свалится.

– Окрепнет у нас. Есть что кушать и пить. Не пожалеем, подкормим.

Евгении Викторовне деваться было некуда – и в их доме появилась Наташка, робкая, тихая, словно маленький безобидный зверёк, загнанный в клетку, со страхом и надеждой заглядывающий в глаза людям и вопрошающий, что же с ним дальше будет?

По отношению к свекрови у Наташи был такой план: уважать и любить, называть её «мамой», и если Евгения Викторовна увидит, как она, Наталья, любит Максима, как старается во всём ему угодить, да и с ней, свекровью, ладит и во всем соглашается, то и говорить ничего

не станет; может, сама полюбит её, терпеливую и такую красивую невестку, что все заглядываются на нее. Может, и дочкой будет называть.

Так хотелось всего этого Наташе! Так хотелось!

«Самое главное, – думала она, – перебороть себя и назвать её «мамой», хотя этим словом она никого не называла, а свою Марию Степановну звала только «тётя-мама.»

И, словно бросаясь с головой в холодную воду, напряглась и в первый же день, дрожа всем телом и еще не зная ответной реакции, обратилась с этим словом к высокой, пышной и горделивой женщине, совсем не похожей на её тётю-маму.

Евгения Викторовна вздрогнула от непривычки (девичий голос еще никогда не называл её мамой), потом поджала губы и пыталась как-то деликатно дать невестке возможность понять, какая она ей «мама»? Сама же долгое время обращалась к невестке на «вы».

И чудно было юной Наташке слышать к себе такое обращение, и всё труднее ей было в таких условиях называть Евгению Викторовну «мамой», выговаривать это доброе, теплое слово, но она держалась мужественно, пока однажды не выдержала и спросила Максима:

– Максим, почему твоя мама обращается ко мне на «вы»?

– А ты у неё спроси, если такая любознательная. И по мелочам меня не отвлекай!

Впервые защемило Наташкино сердечко. Впервые черная капелька грусти закралась в ее душу и там засела, не желая покидать это теплое уютное местечко.

Вскоре слово «вы» пропало, но и «мама» больше не произносилось; жили вместе, рядом, стараясь незаметно и осторожно обходить друг друга.

Наташа нервничала, но не посмела свою растущую тревогу показывать мужу. Она знала: он будет злиться на нее и высказывать свое недовольство.

И тревога в Наташкином сердце продолжала расти и набирать свои силы.

А Евгения Викторовна, немного приглядевшись к невестке, однажды сказала сыну:

– Ну, что ж?! Вроде бы ничего! Главное – не лентяйка! Но смотри, не потакай ни единому её капризу, не то сядет на голову и будет нами руководить. Этого допускать никак нельзя! Держи её в руках да так, чтобы попискивала и постанывала. Всё это поедет тебе на пользу.

Максим и без этих напутствий был не из тех, кем можно было помыкать, а тут еще и мать одергивает на каждом шагу. Шел на работу и целовал жену – «лишнее»; приносил цветы – «Ни к чему такое баловство!»; поставил стул – «Чего угодничаешь?» А потом и у самого все советы матери проходили без сожаления и натяжек: не баловать, не хвалить, не потакать! Это и был его главный девиз, под которым он и строил свою новую семью.

Ни о чем этом Наташа не подозревала.

«Делай добро, и тебе тем же воздастся!» – учила её тётя-мама, и она, Наташа, понимала это в буквальном смысле этого важного слова. О том, что мужа надо еще «воспитывать», словно подгонять под себя платье, купленное в магазине полуфабрикатов, об этом не имела никакого понятия и никогда такого не слыхивала.

Первые три месяца жили хорошо. Так казалось Наташе, не требовавшей для себя ничего. Максим бы ласков, давнишние ссоры исчезли. И хотя первая ночь на кружевной и мягкой, благоухающей благовониями, постели вызвала в ней, юной и трепетной, нежной и слишком скромной, на долгие годы чувство страха от нетерпения Максима: тонкую ночную сорочку разорвал снизу доверху, когда Наташа закрывала кружевным воротом свои груди, дышавшие юностью и непорочностью, и, не замечая её испуганных глаз и желание что-то доверительно шепнуть ему, жадно целовал в каком-то диком стоне её юное атласное тело, вздрагивающее под его властными и горячими руками.

А потом думала: «Опять наврали книжки! Не так в них про любовь. Не так!»!

И всё-таки, любя Максима чистым и нежным сердцем, каким могла любить юная душа, встретив сильное мужское чувство, рвущее её тело и сердце в минуты любви на части, смирилась со своим положением робкой и неиспорченной невестки в семье властных людей.хлопо-

тала везде с настроением и не унывала. Всё так же была полна радужных надежд, и весь мир был для неё прекрасным и добрым, и никто в нем, казалось, не мог её обидеть, поскольку все знали, какая она терпеливая и как всех любит.

Конечно, Максима – больше всех! А то, что книжки наврали, так их учительница русского языка и литературы часто повторяла, что любой автор имеет право на вымысел и на «опозитизацию» (какое чудное слово, думала она тогда, сидя за школьной партой) своих героев и их действий. Она, конечно, могла бы жить без всего «этого», но Максу всё это очень нужно. Но если ему это надо, значит, надо!

Наташа, вбирая в себя все загадки семейной жизни, была счастлива.

ДОРОГА К СЧАСТЬЮ

А вскоре Наталья устроилась на работу. Ей с первых же дней понравилась обстановка: ребята вокруг были веселые, дружные и относились к ней, как к ребенку. И она недоумевала: уже и замуж вышла, несет какую-то семейную нагрузку, а её по-прежнему не считают взрослой.

И правда! Какая же она взрослая! Тоненькая, стройная, с густыми золотистыми волосами да юным личиком с пухлыми розовыми губами. Лишь улыбнется – и детская озорная улыбка, а то и смех-звоночек рассыпается вокруг яркими жемчужинами.

Только Евгения Викторовна да её Максим всегда очень строго к ней относились: ни игры, ни смеха! И часто, как маленькой, ей хотелось расплакаться.

А тем временем беременность начала её беспокоить и приносить первые слезы и огорчения. С одной стороны, она была рада своему положению: Максиму родит сына. О дочери он и слышать не хочет. Нет, и всё! Родит ему сына хоть умри!

А если... И Наташа в первые недели волновалась, будто она была виновата, кого после девяти месяце тревог подарит мужу? С другой стороны, беременность проходила трудно, и она прятала все свои тревоги в глубокие тайники своей раненой души.

Максим всё чаще ходил злой и раздраженный. Цеплялся к жене по мелочам, выговаривал в присутствии Евгении Викторовны её малейшие ошибки и требовал немедленно, тут же, всё исправить и доложить ему. Наташа еще никогда в своей жизни не видела и даже не думала, что кто-то на неё может так злиться.

«А за что?» – думала она, и горечь заполняла ей чистые и еще не заплаканные глаза. А тут еще тошнота стала донимать да голова кружиться. Подойдет, пожалуется Максиму (а кому, как не ему?), но он молчит, а то и отмахивается от неё, как от назойливой мухи: пристала, мол. У всех так!..

Один раз от головокружения чуть не упала. Качнулась, схватилась за тумбочку – и вокруг потемнело. Глаза метнулись к мужу, который тут же сидел за столом, призывая помочь, а тело её, ослабленное, ждало его рук, но в ответ услышала почти злобный, не то ненавидящий, не то презирающий голос:

– Ну что раскисла? Не успела забеременеть, а уже руки под тебя подкладывай. Больше работать надо – и голова не будет болеть.

– А-а-а-а! – застонала Наташа, в беспомощности бросилась на веранду и забилась в судороге.

На её крик из другой комнаты выбежала свекровь.

– Что с тобой? – засуетилась она. – Наташка! Слышишь меня?

– Мне... Мне очень плохо... А он... он – и не могла Наташа выговорить остальные слова, что давили её, сжимая горло.

– Ты что, Максимушка? – не спросила, а запела Евгения Викторовна. – В таких случаях, сынок, надо помогать.

Взъерошенный Максим напыжился:

– Надоело! Чуть что – и в обморок. Ты, мама, сама рассказывала, что еще отплясывала перед тем, как родить меня. А тут... – и столько презрения было в его голосе, что Наташе казалось, будто небо упало на землю, придавив её с будущим малышом.

– За что ты так со мной, Максим? – прошелестела одними губами Наташа, умоляюще глядя на мужа, ожидая, что он сейчас, услышав её голос, выйдет на веранду и успокоит её, а то и на руки возьмет, хрупкую и легкую.

Но он поднялся и ушел из комнаты, хлопнув дверью. Евгения Викторовна успела лишь вдогонку крикнуть:

– Ты, сынок, уж совсем расхрабрился, да не по тому поводу, – и стала успокаивать невестку тем, что находила какое-то оправдание своему сыну. – Не сердись на него. Мужики – все такие! Они не понимают беременности. Вот ребенок появится, тогда...

Никаких оправданий Наташа понять не могла: в ушах стоял его ненавидящий голос.

Но самое страшно ждало Наташу впереди: ночью, словно ничего и не случилось, Максим пожелал её, не попросив прощения, не развеяв мрака, что уже сгустился над их семьей. Одним словом, он даже не попытался расположить жену к себе. Видимо, считал, что был ей дан урок на предмет воспитания мужества, а на уроки только дураки обижаются, а уж тем более за него не просят прощения.

Несколько дней Наташа ждала раскаяния мужа. Не дождалась. Уходить с кровати больше было нельзя, но чувствовала, что она готова уже отстаивать себя и своего первенца от всяких ничем не обоснованных претензий и нападений. Бунт в её душе постепенно нарастал. Она это чувствовала, она это ощущала каждой клеткой своей чуткой души.

Лучшие дни, увы, не наступали. Всё было не так, как ждала, как жадно вычитывала из книжек. Никто за неё не заступался, не поддерживал на скользкой дороге; наоборот, Максим мог в трудных местах ухабистой дороги перешагнуть лужу или ухабину и, не оглядываясь и не замедляя шага, пойти дальше, оставив её одну справляться со всеми препятствиями, возникшими у них на пути. Сначала все его поступки били по сердцу, а потом, так и не привыкнув к такой, казалось ей, несправедливости, уже ничего не ждала иного и молча, чтобы никто не видел, рыдала от жалости к самой себе.

Зато на работе все ребята наперебой старались ей угодить. Особенно был к ней внимателен Вадим Горин. Всё, что только ни случалось с ней, тут же замечал: то воды принесет, то соленый огурчик, то достанет откуда-то селедочку. Давили слезы: хотелось, чтобы её Максим всё замечал и так делал. Но муж был сух, строг и на любую её просьбу отвечал:

– Оставь свои капризы! Потакать я им не собираюсь. И не надейся!..

Наташа много раз думала: «Какие же это капризы? Я сроду капризной не была», – и надолго задумывалась, чувствуя, как под сердцем уже бьется ее малыш.

Пришло время рожать. Накануне утром, заметив что-то неладное, сказала об этом мужу. Тот почему-то промолчал, не засуетился, не взволновался. В конце дня после работы куда-то ушел. Куда – не сказал, а сама она не спросила. И свекровь ушла, не дав невестке никаких советов.

Наташа заволновалась не на шутку.

Начались боли внизу живота. Поболит – перестанет. Думала – пройдет, но боль не проходила. Уже не стало никаких сил терпеть. Легла на диван, застонала, зажимая рукой рот, чтобы не закричать и не напугать соседей.

И всё-таки своим криком она их напугала. В комнату, которая, к счастью, была не заперта, вбежала соседка Людмила.

– Ты что, милая? – наклонилась она над диваном.

– Мне очень плохо.

– А где же муж? А где же мать, наконец?

– Не знаю.

– Как так «не знаю»? Оставить тебя одну в таком положении? Молоденькую?.. Первородку?.. Кто может себе такое позволить? – Соседка засуетилась.

– Ну-ка, девка, собирайся, а я побегу вызывать машину.

Ойкая и сгибаясь пополам, Наташа всё же собрала необходимые вещишки и оделась сама. Вскоре пришла и машина. В комнату вошли двое в белых халатах. Наташе вдруг стало страшно: куда же её заберут? И где Максим?

– Кто с ней поедет? – спросил врач.

– Я поеду, я! – заторопилась Людмила, поглаживая и успокаивая растерянную Наташу.

Всю дорогу в машине Наташа плакала...

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Роды были тяжелыми. Лишь к утру закричал во все свои легкие Наташкин первенец. Она знала, что Максим ждет только сына. Почему-то отцы больше чтят сыновей, и ей, Наташе, очень не хотелось, несмотря ни на что, чтобы на её мужа сказали: «Ну и бракодел!»

Завтра спросят: «Кто?», а он ответит гордо: «Сын!» И её, Наташку, все еще больше полюбят за такой подарок мужу...

Так всё представлялось ей, измученной от тяжелых схваток, с прокушенными губами, с кровавыми жилками в глазах. Представила, как Максим, узнав о сыне, прилетит к ней с радостью и букетом лучших цветов, как будет обнимать её и целовать, боясь притронуться к маленькому комочку в кровати.

Максим пришел. Правда без цветов и не первым. Цветы и поздравление с рассветом принес ей от имени всех ребят Вадим Горин. Его визит не обрадовал Наташу, наоборот, огорчил: она хотела видеть вместо Горина своего мужа, своего Максима.

«Максим, видно, проспал, – думала она, глотая слезы. – Нет и нет! Он, наверное, был здесь ночью и караулил под окном. Ушел домой и вовремя не проснулся», – оправдывала мужа, как только могла, но тревога с каждой минутой нарастала.

Позже узнала, что Максима ночью здесь не было. Защемило сердце, что-то застонало в набрякшей молоком груди.

«Но у меня есть теперь сын! – возликовало вдруг её сердце. – Мой сын и моя радость! Всё остальное – не столь важно.»

А сын, которому с первых секунд его появления на свет она отдавала все свои чувства, самые нежные, самые первые и последние, и чувствовала, что никогда еще в своей жизни не испытывала такой сильной и щемящей радости, от которой у нее вырастали крылья, а сын был настоящим маленьким тираном: по ночам кричал, капризничал, никому не давал покоя.

И этого крикуна с первых же дней она полюбила так, что сама не понимала этой всеобъемлющей любви, и умирала от страха при малейшем его недомогании.

Ничто и никто не существовал для неё, кроме маленького горластого комочка. И хотя не всё равно было, каков Максим с нею, однако той острой боли, что посещала её раньше, уже не было. А он, Максим, оставался, как прежде, злым и раздраженным. Кричал на неё по всякому поводу, выходя из себя и ревнуя к сыну, появлению которого втайне радовался и даже гордился своим повторением. Один в один! Вот это удача! В девяточку!

– Вылитый отец, – говорили все, кто с любопытством склонялся над новым человечком.

– Да! – подтверждали другие. – Надо же так скопировать!

Максим весь сиял. Да и Наташа видела эту правдоподобность: похож до ноготков и маленькой родинке на правом плече. И тем более ей было обидно, что благодарности за это с его стороны не ощущала, только явное раздражение за потерянные в чем-то его, Максима, позиции.

А у неё не хватало времени не только на то, чтобы пересмотреть все ли пуговицы на рубашке у мужа, висит ли свежее полотенце в ванной и на кухне; она порой забывала даже поесть. Стирала, гладила, подмывала, купала, пеленала малыша, готовила обеды (свекровь дорабатывала до пенсии последние месяцы), а ночь тоже не приносила желаемого отдыха: малыш ежеминутно кряхтел, а то и заходился криком: вставай, мол, корми меня, носи по комнате в глухую ночь, когда все спят таким сладким необходимым для завтрашних сил сном.

Максим то ли не замечал ничего, то ли замечать не хотел. Требовал, чтобы она готовила ему завтраки, да каждое утро свежие, не разогретые, чтобы обед уже был на столе к его приходу. Особенно выходил он из себя, когда в очень редких случаях на рубашке отсутствовала пуговица.

– Неужели нельзя, когда гладишь, посмотреть за пуговицами, посчитать их? – Максим уже издевался над женой. – Сидишь же дома, балдеешь.

Как же хотелось Наташке бросить в лицо мужа свои гневные слова или отпустить пощечину, но на руках был малыш, а в сердце – женское молчаливое долготерпение.

Такие «пуговичные» скандалы унижали её. Однажды всё-таки не выдержала:

– Неужели ты сам не можешь пришить эту самую пуговичку или сказать мне: «Пожалуйста, пришей!» Ты же видишь, как я устаю?

– Что же будет, когда на работу пойдешь, когда еще дети будут? Зачем я женился, если сам должен себе пришивать пуговицы? Может, скажешь, чтобы я еще пеленки стирал и полы мыл?

– Нет, не скажу! – громче прежнего ответила Наталья. – Я сделаю, как и делала всегда, сама. А женился ты, выходит, для того, чтобы было кому пуговицы пришивать? А я-то думала, что любишь меня...

– Люблю... Люблю... – невнятно прошепело над головой Натальи.

Всё стало на свои места.

Этого Наташа долго не могла понять. И всё мучилась вопросом: «Как можно днем кричать и швырять в лицо рубашку с оторванной пуговицей, а ночью с каким-то остервенением брать её силой и задыхаться от своих же слов: «Я люблю тебя!.. Одну тебя... Навсегда! Одну...»

Наташа по своему характеру не была ни злой, ни злопамятной. Была, как и все молодые и красивые женщины, обидчивой. Однако, любая, даже самая горькая обида, мигом и без осадка растворилась бы в одном-единственном слове, на которое так скуп был Максим. Не требуя многого, не избалованная в большой крестьянской семье, не испытывавшая любви отца и матери, но привыкшая к взаимному уважению и во взаимной заботе, к ласковому отношению друг к другу и ничего этого не имея в семье Гавриловых, она страдала.

Отношения с мужем так не соответствовали её желаниям и представлениям, взятых, в основном, их книжек.

Итогом первого года семейной жизни была полная растерянность. Она не могла сказать, что у неё плохой муж, но хорошим его тоже нельзя было назвать. Нежности к нему поубавилось, и освобождающееся пространство занял страх. Боялась его участившихся вспышек и грозного голоса; даже ночью, уже не чувствуя к нему прежнего влечения, подчинялась ему только от желания избежать еще большей неприятности – неуёмного раздражения и злости.

Робкая, но гордая от природы, чутьем угадала: Максим пытается превратить её, добрую и нежную, чистую и доверчивую, в удобное для него существо. Она и сама готова была раствориться в нем... Сама!.. А когда начинала чувствовать, что её берут силой, у неё просыпался такой внутренний протест, что готова была, не раздумывая, бросить всё, схватить ребенка и бежать... Куда? Конечно же, к тёте-маме!

В хорошие и спокойные минуты говорила:

– Максимка, не кричи на меня, не приказывай! Попроси что угодно – умирать буду, но выполняю все твои просьбы... Всё, только попроси! С радостью... А криком – ничего не могу... Ну, вот такая я, пойми!.. – Глаза её были затемнены грустью.

Но Максим не понимал её. Считал: отпусти вожжи и всё! Сядет на шею, не будет слушаться... И твердо усвоил, что жену надо держать в «ежовых рукавицах» и чем крепче, тем лучше будет для неё самой и для семьи.

МИР ХРИЗАНТЕМ

Над городам витала ночная мгла. Просеиваясь сквозь мерцание уличных фонарей и ненавешенных окон, она падала синим полумраком на стены и кровати гостиничного номера.

Наталья Николаевна никак не могла согреться и уснуть. Встала, взяла теплую кофту и набросила её на ноги. Через несколько минут стало немного теплее.

Думая о своей судьбе, она не раз возвращалась к первому году своей неудачной семейной жизни. Двадцать лет прошло. Почему-то более близкое не так запомнилось, как то, далекое... Тогда душа от жестокости мужа и свекрови покрывалась накипью и всё же научилась защищаться. Защищаться в одиночестве, с маленьким сыном на руках и с далекой по месту жительства тётей-мамой, которой она не открывала свою молодую, истерзанную уже проблемами, жизнь.

Её тревожные мысли снова вернулись к Горину, к его и своему одиночеству. То видела его, сегодняшнего, то вставали в памяти московские встречи, а то щемящей болью потери накатывалась волна воспоминаний о короткой и такой ослепительной вспышке счастья с последующей темнотой бездны.

Это было давно. Так давно, что по сути она должна была забыть уже ту, одну, ту единственную встречу, где она оказалась наедине с Гориним... Она не забыла, хотя при каждом воспоминании о ней, её тело вздрагивало и зажигалось огнем, таким же точно, каким оно горело тогда, когда они оказались рядом в ярко и красиво убранной комнате.

Был Новый год. Наталья особо долго готовилась к этому празднику: приняла вечером душ, одела роскошное с зеленоватой каймой под цвет своих глаз кружевное белье и такое же платье с золоченым отливом. Роскошные волосы скрепила ярко-зеленой брошью, а на шею, бархатную и юную, повесила золотой крестик. Она боялась посмотреть на себя в зеркало: боялась своей красоты, боялась согласиться с разговорами знающих её людей, что такую женщину надо держать лишь на троне, чтобы восхищаться ею.

И всё же, после нескольких минут раздумий подошла к зеркалу. Подошла и словно окаменела: на нее смотрела из-под пушистых ресниц совершенная красота; другой, лучше этой, нарисовать-то невозможно.

Её серо-зеленые глаза повлажнели. Вот будет доволен Максим, когда вернется домой, чтобы встретить вместе Новый год! Схватит её на руки, зацелует, замилует...

Но Максим где-то задерживался. Евгения Викторовна два дня назад уехала к своим родственникам в далекий и холодный Новосибирск, куда она ездила каждый год.

На столе стояла маленькая елочка. Ярко горели огни... Горели и свечи, среди них – одна большая, выкрашенная в яркий зеленый цвет.

Едва сдерживая волнение и удовлетворение своей внешностью, Наташа посмотрела на часы. Через семь минут будут бить куранты.

Потрескивал огонек большой зеленоватой свечи. Опять же Наташа подбирала её под цвет своего новогоднего наряда. Её глаза горели поярче любого огонька, если бы он был зажжен от самого солнца. А оно, солнце, и её возбужденное сердце сегодня у неё на ладони: она сегодня счастлива, как никогда! Вот сейчас, сию минуту зазвенит громко у дверей звонок (она подумала, что звонче сейчас звенит её сердце) – и в дверях появится он, дорогой и любимый Максим.

Лишь только часы, висевшие на стене, выбили свой первый звон, откликнулся и звонок в двери. Наташа, чуть не сбив стул, побежала и распахнула настежь дверь: в дверном проеме на всю его ширину сиял огромный букет белых хризантем, за которым не было видно лица мужа.

«Ой! – зазвенел дивный голос Наташи. – Спасибо, Максимка! Так много цветов!»

За огромной охапкой цветов стоял не Максим. Сгорая от любви, там стоял Горин.

Лишь потом Наташе стало известно, что Вадим Горин в ту новогоднюю ночь узнал от своих знакомых, что Максим Гаврилов будет встречать новый год не дома, а в обществе больших начальников. И Горин решился. Он решился на отчаянный шаг: в счастливую новогоднюю ночь увидеть Наташу.

– Наташенька, – прозвучал знакомый ей голос, – Это я. Прости и разреши зайти!

Словно стена обрушилась на юную хозяйку дома. Не способная на непристойные и не обговоренные заранее встречи, она хотела было тут же захлопнуть дверь, но, почувствовав, как дрогнуло и сорвалось с привычного ритма её сердце, разрешила войти.

Горин перешагнул порог и тут же рассыпал белое море цветов у её ног.

– Прости, Наташа, что вторгся в твоё пространство! – Он, казалось, задыхался от волнения. – Не мог иначе... Поверь, не мог!..

– Я тебя не приглашала, Вадим. Да и Максим сейчас придет.

– Нет! – ответил он так резко, словно произвел над её головой выстрел. – Максим сегодня домой не придёт. Он гуляет в другом обществе.

Наташу качнуло, и это заметил Горин. Он подхватил её и прижал к себе.

Не отшатнулась от него Наташа, не ударила его в грудь, в лицо, не крикнула, чтобы он закрыл дверь с другой стороны. Ничего этого она не сделала.

Она притихла в его руках, горячих и нетерпеливых, нежных и таких, как ей показалось, желанных. Они стояли молча, хотя часы давно отсчитали последние удары ушедшего года, провозгласив начало нового счастливого для людей года.

Вадим по её приглашению разделся и присел на роскошный диван, над которым висел портрет пышной и красивой дамы.

Потом они сидели за праздничным столом. Наташа попросила, чтоб Вадим сидел не рядом с ней, а напротив. Скромно пили шампанское, смотрели друг другу в дивные и чистые глаза, в которых не было темных мыслей, а загоралась долгая и трудная взаимная любовь, которая принесет друг другу много страданий.

Через некоторое время Горин всё-таки сел рядом с Наташей. Потом они танцевали медленное танго, и Наташа чувствовала, как Вадим сгорает в своем стремлении прижать её к себе, целовать губы, глаза, бархатную шею, но она не позволяла ему никаких лишних движений, хотя и сама где-то уловила в тайниках своей души, что её сердце, изболевшееся рядом с Максимом, рвется к не изведанному доселе чувству: встрече с посторонним мужчиной. Нет, он, Горин, не был ей посторонним: они вместе работали не один день, и всё же... И всё же она почувствовала, что теряет себя, свою женскую силу и способность сопротивляться.

И снова танец – и снова глаза в глаза... Серо-зеленые убегали куда-то, чтобы спрятаться от карих, жгучих и горячих, и вдруг они встретились...

Горин жадно целовал её плечо.

Наташа не сопротивлялась, лишь мешала Вадиму открыть широкую лямку кружевного зеленого платья, чтобы не открылась ему её упругая юная грудь. А он горячими губами доставал уже вырез платья... И тут раздалась пощечина.

Горин был подавлен.

– Прости, Наташка! Прости!.. Я не должен был... Я всё понимаю...

Наташа, выгорая до дна от возникших чувств к другому мужчине, спешно прикрывала оголенные плечи легкой шалью. Всё её тело дрожало...

Одевался Горин тихо и так же тихо закрыл за собою дверь...

«Как это давно было!» – Наталья Николаевна прикрыла глаза. Горин и сейчас носит такую же форму зимней одежды, какую носил двадцать лет назад. Она ему подходит. А Наташа до сих пор из множества цветов любит больше всех белые хризантемы.

Она вспомнила, что за прошедшие годы написала несколько стихотворений об этих удивительных цветах. Наталья Николаевна и сейчас знает их наизусть, знает до единого, до самого последнего слова.

И понеслись в её голове эти самые строчки.

О, хризантемы! Моё вдохновенье!

Сказочный мир! О, мой Бог!

Вы для меня расцвели, без сомненья,

Белой любовью у ног...

Знаю, ко мне вы с надеждой летели,

На руки нежно легли, —

Стала я в ночь новогодней метели

Пленницей вашей любви...

Наталья Николаевна поднялась, набросила халат и подошла к окну. Там, за ним, мела холодная поземка, а здесь, где она, — будут звучать стихи о хризантемах в его честь, в честь Вадима Горина, незаменимого и такого недостижимого.

Горин всё еще в дороге. Спит ли? Отдаляется и отдаляется от её не измеренной ничем и никем любви. А ведь всё могло быть по-другому. Могло быть!..

А в её сердце, растревоженном встречей, продолжали звучать стихи, посвященные новогодней встрече с ним, Гориным.

Где мне слова такие взять,

Чтоб их величьем всех обнять

И мир обнять?

Мне Новый год подарен был, —

Он для меня в ту ночь звенел...

Как всё понять?..

Наталья Николаевна уснула тревожным сном лишь под утро...

БЛАГОДАТНАЯ ОСЕНЬ

Красивая золотистая пора с бабьим летом! Благодатная пора щедрой багряной осени! Земля, обласканная прощальными лучами и бархатной прохладой легкого ветра, устав от многодневных забот и жаркой суеты лета, отдыхает в напряженном покое.

Так отдыхает женщина, трудившаяся в доме целый день, не покладая рук, а к вечеру, выйдя за калитку и присев у забора на деревянную скамейку, положила эти самые руки на колени и, щуя глаза, подставляет лицо лучам предзакатного солнца. И так же, как до блеска протертое окно, сверкает голубизной небо, переливаясь звенящими паутинками; трещат цикады, а в саду, под тяжестью налитых румяных плодов, устало сгибаются ветки.

Наташка, будучи еще подростком, любила эту пору, когда в школу ещё можно было бегать в легком платьице, набив пустые углы портфеля яблоками да грушами, а по дороге любоваться пламенеющими георгинами да кудрявыми разноцветными астрами.

Сделав после обеда уроки, она бежала в огород помогать Марии Степановне. Гладкими спинами глянцевого желтели тыквы, напоминающие откормленных поросят, а красные с сизым налетом помидоры, вгнездившись в огородном песке, манили сорвать и тут же вкусить их неповторимый вкус и почувствовать даже приятный аромат.

Но всё это было где-то там, очень далеко и в другой, очень счастливой жизни. А сегодня, в солнечный сентябрьский день, впервые, после длительного отпуска (Андрейке стукнуло пять месяцев), Наташа, собираясь на работу, ощутила волнение и щемящую тревогу. Волновалась, потому что отвыкла от работы, закрученная водоворотом других дел, и тосковала по дому, где можно было, взобравшись во дворе на верхушку старой липы и вгнездившись среди её ветвей, вообразить себя птицей, парящей над деревней, и мысленно увидеть далекие города и страны, а смыкающееся с горизонтом небо и парящие тучки принять за море с белыми яхтами и мечтать.

Мечтать о будущей жизни, о том, что обязательно прославит себя, дабы люди узнали, что есть на свете Наташка Звонарёва, мечтать о любви, преданной и единственной, и о Нём, с которым можно будет разделить весь её необыкновенный, созданный воображением, мир.

Сейчас же, дом и четыре стены, где она жила с ребенком (Максим почему-то не входил в перечень её семьи) и где она не имела ни на что права, начинали давить на неё.

Евгения Викторовна, выйдя на пенсию, на работу больше не пошла, и Наташе сидеть дома с малышом уже не было смысла. Семейный бюджет был общий, строго контролировался свекровью, которая решала сама, что покупать молодым, и эти покупки финансировала, выдавая точную сумму и требуя сдачи до мелочи. Кроме того, считая, что молодежь нынче не только деньги транжирит, но и одежду не бережет, следила за тем, чтобы вещи одевали с её ведома и разрешения.

Однажды, перед уходом на работу, Наташа подошла к шкафу с большим зеркалом, открыла его, и тут же услышала голос свекрови:

– Что ты там ищешь?

– Кофточку свою.

– Какую?

– Белую в горошек... Я её давно не одевала.

– Ты что? Новую, белую и на работу? Разве это по-хозяйски?

– Но ведь сегодня у меня первый рабочий день после такого длительного отпуска. – Наташа пыталась доказать Евгении Викторовне, что сегодняшний день для неё, Наташи, праздник, но услышала резкий неприятный её голос:

– Первый – не первый, но это работа. Что же ты наденешь, если куда-нибудь выйти надо будет с Максимом? Не дело это!.. Вещи беречь надо.

Со свекровью Наташа не спорила, и ей пришлось с горечью в душе закрыть шкаф, снять с вешалки своё уже немного выгоревшее сатиновое платье, перешитое из халата, в котором она ходила беременной.

Ребята на заводе встретили её появление радостными возгласами и сияющими улыбками, и на душе стало сразу же светло, словно Наташа попала в иной мир, и ответная улыбка озарила её лицо, обнажив белые с перламутровым отливом зубы.

– Ну, Наташка! – кричал Юра Злобин. – Ну, ты даешь! Надо же так похорошеть!

– Ты что себе думаешь? – воскликнул вышедший ей навстречу Роман Сечкин. – Видя тебя, мы же работать не будем!

– Ничего, привыкнете! – отшучивалась Наташа, обласканная их восторгами и в то же время удивляясь им, так как особой красоты за собой не замечала. Не хотела замечать!

У окна, в лучах утреннего розового солнца, стоял новенький. Он, казалось, боялся смотреть на такую красивую молодую женщину.

«Когда приходили, – быстро мелькнула в Наташиной голове мысль, – смотрел на меня во все глаза, а сейчас...»

Горин же, чувствуя что-то неладное в сердце, мгновенно застучавшее в груди, молчал. Он боялся посмотреть на Наташку и увидеть такие радостные изумрудно-зеленые глаза.

Наташа повернулась к нему спиной, направляясь к своему столу. Горин сел за свой, который стоял напротив стола Наташи. И только сейчас их глаза встретились...

Кто из посторонних мог заглянуть в них и поймать их смысл и желание? Кто мог разгадать ту тайну, которая только зарождалась в их сердцах помимо их воли и желания?

После нескольких минут галдежа, когда все уселись по своим местам, Вадим Горин, наконец, заговорил.

– Знаете, Наташа, пока вас не было, я сидел на вашем месте. Мне было очень уютно и тепло... Вы не в обиде на меня?

– Нет, нет! Очень приятно! – Наташа не смогла разгадать его отчаянную мысль, которую он вынашивал с тех самых пор, когда увидел её впервые: светлую, беременную, летящую навстречу, как ему тогда казалось, к своему счастью.

Наконец-то Наташа подняла голову и посмотрела в глаза Горина: темно-карие, жгучие, готовые выплеснуть на неё целое море огня, они смотрели на неё так внимательно, пытаясь заглянуть вглубь её сущности, вглубь её настроения на эту минуту, что Наташа вынуждена была опустить свои глаза, бездонные, изумрудные и теплые, как летняя морская волна.

Вдруг она почувствовала, как что-то, доселе неведомое и недоступное, пронзило её и ударило в голову, затем сильный непонятный толчок сердца – и дальше по всему телу пошли лучи, пронизывающие каждую клеточку её проваливающегося в бездну тела.

Наташа испугалась: «Что это со мной? Как непонятно и непривычно...» – и еще ниже склонилась над чертежами, решив больше никогда не заглядывать в эти бездонные, зовущие в неведомый мир глаза стройного и красивого соседа.

МЫСЛИ НА ПЕРЕПУТЬЕ

С мыслями, пугающими её, ни разу не подняв головы, Наташа проработала весь день и, как положено, на час раньше ушла домой, почему-то радуясь, что не вместе с Гориным она будет выходить из ворот завода. И ей захотелось поскорее добраться домой, схватить теплое и ласковое тельце сына и прижать к себе, чтобы заглушить появляющуюся в её тайниках души шумные и неугомонные мысли о Горине. А еще хотелось прижаться к мужу и утолить на его груди, сильной и горячей, жажду утомительной близости, чтобы он распиная её тело и душу, чтобы рвал, как это он умел, и платье, и белье на части.

Так ей хотелось всего этого в такой тревожный час, в этот новый клокочущий миг!

Ей хотелось поскорее увидеть Максима, приласкаться, почувствовать надёжную защиту от чего-то надвигающегося, чего она и сама пока понять не могла; волновалась, выглядывала в окно, словно в первые дни свиданий, и, кажется, никогда прежде не было в ней столько благодарной нежности и такой сильной тяги к мужу, как теперь.

Максим пришел с работы хмурый, раздраженный, но это не разрушило её настроение, так рада была она видеть его.

Взяла сына, светленького, кругленького, с большими темно-кариками, как у папы, глазенками и вышла навстречу Максиму у самой входной двери.

– А вот, Андрейка, и папа наш пришел! – от души радовалась Наташа. – Поцелуй его! Ну, поцелуй! Или я его поцелую... – и потянулась к мужу, ласковая и нежная.

– Опять твои телячьи нежности! – услышала в ответ. – Я устал. Кушать давай!

– Ба-ба-ба! – лопотал Андрейка и, подавшись всем тельцем, крепко обхватил папу за шею и раскрытым ротиком ткнулся в его щеку.

Наташа смотрела на обоих, но не пела её отвергнутая только что душа. Казалось, малыш понял её и действительно поцеловал Максима. И она бы это сделала, сейчас, сию минуту, чтобы заглушить боль от сказанных только что слов мужа, но она боялась его окрика: «Оставь свои телячьи нежности!»

Эти жестокие и несправедливые слова он повторял довольно часто.

Черствела от этого нежная и впечатлительная душа Наташи. Она уже испробовала многие подходы к мужу, чтобы утихомирить его словесные взрывы, но он был непоколебим, как вечная гранитная скала.

Её бы приласкать в это трудное время, взглянуть, а то лучше и заглянуть в её растревоженные глаза и спросить: «Что в них? Почему и отчего печалются? Не соскучилась ли? Как дела на работе?»

Таких вопросов не было, и Наталья страдала еще больше.

– Убери его! – услышала недовольный и раздраженный голос Максима. – Мне не до него! Разве трудно понять, что я устал?

Наташа, прижав сына к молящей о помощи груди, отошла от мужа. Андрейку посадила в детскую кроватку, а сама стала хлопотать на кухне, чтобы покормить Максима. Расставляя сверкающие белизной тарелки и все приборы к ним, спешно раскладывала котлеты по-киевски с картофельным гарниром. Огурцы и помидоры уже были нарезаны и посыпаны свежей зеленью.

Она хотела отвлечься: чуть громче гремела посудой, чуть меньше уделяла внимания изысканности ею приготовленного блюда, но горечь и какая-то необъяснимая боль не покидала её.

Максим был так же хмур и неласков. Теряясь в догадках (хотя чего теряться: он почти всегда был таким), Наташа не находила себе места.

А у Гаврилова было обычное настроение и обычный тон, которым разговаривал только с женой, принятый с первых же дней их семейной жизни с целью воспитания и профилактики женских капризов. Он, Максим, прирос к этому тону, как репей к одежде, не допуская иного, а сам лично служил примером контрастности: спокойный и ласковый голос, окрашенный мягким баритоном в разговоре с посторонними, и железный и холодный, когда переключался на жену.

Сегодня, настроенная после рабочего дня на тепло и ласку и всё для этого предпринимавшая, Наташа недоумевала: с Максимом что-то случилось. Выбрав момент, подошла к нему, положила на плечи руки и прижалась к нему.

– Максимушка, у тебя что-то случилось? Поговори со мной.

Оторвавшись от газеты, он поднял голову и, отряхнув с плеч её хрупкие и нежные руки, удивленно спросил:

– Откуда ты взяла? Ничего не случилось! И что ты ко мне целый вечер вязнешь? Дай почитать! Дай отдохнуть! На работе мотают нервы и дома тоже... Лучше бы вязала.

– У меня руки заняты весь день: работа, а дома стирка, уборка да и кухня на мне.

– Для этого женщины и рождены. – И снова зашелестела газета в его руках.

Наташкино сердце сжалось от невыносимой боли, возвращая её в который раз из светлой и возвышенной мечты к серой и суровой действительности: её Максим в страхе перед «женским каблуком» и воображаемым посягательством на его личность возвел непроницаемую стену. Эта стена действительно с первых же дней их жизни оградила его от того, чем тяготятся многие мужья. Жена была покладиста, не спорила, своих требований не выставляла, жалобы и просьбы слышались редко и никаких тебе капризов! Так и надо! По дому и с ребенком управлялась сама, и он, Максим, имел полную возможность заниматься только делом, как, по его мнению, и полагалось заниматься мужчинам. Однако вместе с тем сквозь эту стену не могли проникнуть и чувства, в которых нуждается нежное живое существо: тепло и соучастие. Наталкиваясь на холод, на полное безразличие, они словно замораживались в Наташе, нежной и впечатлительной от природы и моментально откликающейся на такую же нежность и доброту.

Сегодня ей показалось, что он, оттолкнув её руки от себя и её, прильнувшую к нему с надеждой на помощь и спасение от грядущей мужской ласки, но чужой, оторвал её от себя навсегда и бросил в объятия другому, кому она была так нужна. Бросил насильно к тому, от чего бежала сегодня же и что угрожало разрушением их семьи.

Наташе сегодня было отказано в убежище...

НАЕДИНЕ С ТРЕВОГОЙ

Максим Гаврилов любил свою жену, как говорят, «по-своему», соответственно сущности своей и давил всякие внешние проявления любви: не признавал нежности, называя её «сюсюканьем». Отвергал напрочь красивые и ласковые слова, которые так жаждет женское ухо, считая это лицемерием, уделом «хахалей» и «ловеласов», ласку и проявление внимания особенно на людях – показухой. Именно на людях обращался с женой так, что ей всегда было больно и стыдно. Всем своим видом Максим показывал свое превосходство над женой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.